

ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

при Варшавской архіерейской канцелярѣ.

Адресъ Редакціи: Москва, Крымскій проездъ, № 3, кв. 9.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 и 16 **каждаго**
мѣсяца
Годовая цѣна 5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Приказомъ Главнокомандующаго Арміями Сѣверо - Западнаго фронта, отъ 4 іюля 1915 г. за № 1538, помощникъ настоятеля Варшавской Маріинской на Прагѣ церкви, священникъ Алексѣй *Савицкій*, награжденъ орденомъ **Св. Анны 3 степени** за труды по оказанію духовной помощи раненымъ воинамъ при 28 тыловомъ эвакуаціонномъ пунктѣ.

Настоятель Кольской церкви, священникъ Іоаннъ *Собачкинъ*, за усердное служеніе на пользу раненымъ и больнымъ воинамъ, состоявшимъ на излеченіи въ лазаретахъ Краснаго Креста въ г. Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда сіи лазареты эвакуировались изъ Варшавы, Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоасафомъ, Епископомъ Новогеоргіевскимъ, вр. управляющимъ Варшавскою епархіею, къ 1-му января 1916 г. награжденъ **бархатною фіолетовою скуфьею**.

Діаконъ Варшавскаго Свято - Троицкаго собора *Василій Явуховичъ* уволенъ изъ Варшавской епархіи съ 17 декабря 1915 г. за переходомъ на службу въ Томскую епархію.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ мѣстныхъ средствъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта за 1915 годъ.

Отъ 1914 года къ 1-му января 1915 года оставалось 2819 р. 98 к.
Въ теченіе 1915 года поступило на

П р и х о д ъ:

Отъ церквей епархіи:	
1% и 2% сбора	485 " 24 "
Сбора 21 ноября	15 " 98 "
Кружечнаго годового сбора	77 " 99 "
Рождественскаго сбора	134 " 11 "
Взноса на вечернее освѣщеніе школь	3 " — "
Разныхъ сборовъ	48 " 95 "
Отъ Издательской Комиссіи Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ на вознагражденіе наблюдающему за церковными школами	400 " — "
Отъ Военнаго Вѣдомства вознагражденіе за сносъ зданія Новосельской церковно-приход. школы	3313 " 40 "
Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ на экстраординарные расходы по церковнымъ школамъ (ежегодное пособіе)	1000 " — "
Отъ Департамента Государственныхъ Имуществъ на преподаваніе садоводства, огородничества и цвѣтоводства при Вольской школѣ	600 " — "
Отъ Варшавской Духовной Консисторіи на бѣднѣйшія школы епархіи изъ %/о отъ капитала Н. И. Куманина	150 " — "
Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ въ пособіе на приобрѣтеніе медикаментовъ для аптеки Теолінской второклассной школы	40 " — "
Получено %/о по двумъ сберегательнымъ книжкамъ Училищнаго Совѣта за 1914 годъ	49 " 76 "
Представлено Завѣдующимъ Варшавской Черняковской церковно-приходской школой, священникомъ В. Цѣлицо остатка по школѣ за 1914 годъ	150 " — "
Возвращено почтой высланныхъ на содержаніе въ 1914 г. во 2-мъ полугодіи Рыпинской школы грамоты	60 " — "
Возвращено учащими выданное имъ заимообразно въ жалованье	180 " — "

Получено отъ Варшавскаго Попечительства о бѣдныхъ на время военныхъ дѣйствій въ пособіе учащимъ церковныхъ школъ епархіи. 1050 „ — „
Итого съ остаточными 10578 р. 11 к.

Въ теченіе 1915 года выведено въ

Расходъ:

На содержаніе церковныхъ школъ: жалованье учащимъ, наемъ помѣщеній, сторожа, отопленіе и проч.

Жалованье учительницъ Юзефатовской школы грамоты 150 р. — к.
Жалованье учителю пѣнія школъ Ригаловскаго прихода за 1-е полугодіе 1915 г. 37 „ 50 „
Жалованье учительницъ Варшавской Черняковской школы съ 1 по 15 января 1915 г. 15 „ — „
Жалованье добавочное учительницъ Теолинской второклассной школы А. Шумовской за 1915 г. 120 „ — „
Жалованье учителю Рыпинской школы грамоты за 2-е полугодіе 1914 года 50 „ 02 „
Выдано заимообразно въ счетъ жалованья учительницамъ церковн. школъ:
Копчанской 90 „ — „
Сосновицкой 30 „ — „
На наемъ школьныхъ помѣщеній для церковныхъ школъ:
Хоружевской въ 1 полуг. 1915 г. 17 „ 50 „
Константиновской въ 1 полуг. 1915 г. 22 „ 50 „
На вывозку и заготовку дровъ для отопленія церковныхъ школъ:
Копчанской 35 „ — „
Раковичской и Липщанской 65 „ — „
На школьныя нужды церковныхъ школъ:
Ригаловскаго прихода 52 „ 52 „
Копчанской 9 „ 37 „
Перстунской 9 „ 37 „
Юзефатовской 9 „ 37 „
Константиновской 9 „ 37 „
На наемъ помѣщенія и прислугу для Варшавской Черняковской школы 219 „ 12 „
На расходы по преподаванію садоводства и цвѣтоводства при Вольской школѣ 150 „ — „
Въ пособіе на приобрѣтеніе медикаментовъ для аптеки Теолинской второклассной школы 40 „ — „

Выдано въ пособіе учащимъ церковныхъ школъ:

Теолинской второкл. школы:

1) М. Клименко 55 „ — „
2) З. Козловой. 55 „ — „
3) Н. Козловой. 30 „ — „
4) Н. Суетовой 30 „ — „
5) А. Шумовской. 55 „ — „

6) Теолинской образцовой — О. Никитиной. 30 „ — „
7) Варшавской Черняковской — М. Малаховской 30 „ — „
8) Варшавской Прагской — Т. Бера-новской 30 „ — „
9) Варшавской Архіерейской—Г. Долбашкину. 20 „ — „
10) Варшавской Подвальной—Н. Сокаль. 15 „ — „
11) Варшавской Вольской—Н. Стасю. 25 „ — „
12) Жирандовской—М. Здановичъ. 45 „ — „
13) Калишской—Н. Дьяковой 30 „ — „
14) Слупецкой—М. Грабенко. 40 „ — „
15) Скерневицкой—Л. Вербисъ 30 „ — „
16) Граевской—А. Хвицу 20 „ — „
17) Сосновицкой—М. Семякиной 30 „ — „
18) Томашовской—О. Петровой. 50 „ — „
19) Петроковской—М. Морозъ 30 „ — „
20) Клетнянской—А. Эпфель 30 „ — „
21) Сувалкской—М. Букачъ 30 „ — „
22) Копчанской—В. Григорьевой 45 „ — „
23) Раковичской—Е. Булыгъ 45 „ — „
24) Липщанской—С. Шахно 50 „ — „
25) Софійской—Ф. Шахно. 30 „ — „
26) Новосельской—С. Иванчуку 30 „ — „
27) Константиновской—Е. Бѣлко 40 „ — „
28) Перстунской—Е. Панкратовой. 40 „ — „
29) Кальварійской—Т. Поплавской. 30 „ — „
30) Кибартской—Б. Махинко. 30 „ — „
31) Кибартской—А. Климуку. 30 „ — „
32) Юзефатовской—Е. Кречетовичъ 30 „ — „

Израсходовано на выпускъ и доставку книгъ, брошюръ и картинъ для церковныхъ школъ 77 „ 26 „

Выдано въ вознагражденіе Наблюдающему за церковными школами епархіи 400 „ — „

На содержаніе служащихъ Канцеляріи Совѣта 264 „ — „

Письменные принадлежности и матеріалы для Канцеляріи Совѣта. 86 „ 47 „

Израсходовано по перевозкѣ дѣлъ и документовъ Училищнаго Совѣта за время эвакуаціи 39 „ 04 „

На выпускъ журналовъ для Канцеляріи Совѣта: „Церковныя Вѣдомости“ и „Народное Образованіе“ 13 „ — „

Почтовый, телеграфный и гербовый расходъ 16 „ 26 „

Итого въ расходъ 3137 р. 67 к.

Итого на приходъ съ остаточными отъ 1914 г. 10578 „ 41 „

Итого въ расходъ въ 1915 году 3137 „ 67 „

Въ остаткѣ къ 1-му января 1916 года 7440 р. 74 к.

Примѣчаніе: Въ числѣ остаточныхъ суммъ имѣются: 600 р. на расходы по садоводству Вольской школы, 3313 р. 40 к. вознагражденія за сносъ Новосельской школы и 25 р. пособия учителю Лодзинской школы П. Горлову, находящемуся въ плѣну.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

С Л О В О

сказанное предъ отпѣваніемъ въ Бозѣ почившаго Архіепископа Варшавскаго Николая въ Св. Духовской церкви Александро - Невской Лавры 23 декабря 1915 года.

Блаженъ путь въ онъ же идеши
днесь, душе... (Проким. погреб.).

Блаженна участь христіанской души, отходящей въ вѣчность съ вѣрою, съ надеждою на воскресеніе, послѣ напутствованія св. таинствами Церкви, послѣ жизни въ здѣшнемъ мірѣ, проведенной достойно, по христіански, посвященной трудамъ во славу Божию, во благо ближнихъ. Такая вѣрующая душа можетъ быть увѣрена въ оправданіи на Судѣ Божіемъ, гдѣ намъ *всѣмъ явитися подобаетъ* (2 Кор. 5, 10), — можетъ уповать на милосердіе Божіе, на блаженное упокоеніе во Царствіи Христовомъ.

Имѣемъ дерзновение надѣяться, что сказанное приложимо къ душѣ новопреставленнаго, здѣсь предлежащаго Архипастыря, и что путь, которымъ она пошла по оставленіи земной юдоли, есть путь поистинѣ блаженный.

Покойный архіепископъ Николай былъ непоколебимъ въ своей вѣрѣ, горѣлъ ревностію о славѣ Бога, о чести Его Святой Церкви. Кто не знаетъ, какъ онъ негодовалъ на всякое проявленіе неблагоговѣнія, непочтенія къ Церкви и Ея святыхъ? Онъ отдалъ на службу Церкви свои богатые дарованія и всю жизнь провелъ въ трудахъ для спасенія ближнихъ. О его пастырскихъ подвигахъ знаетъ Старый и Новый Свѣтъ; отдаленныя страны сѣвера и юга и запада онъ обходилъ не стопами свѣтскаго туриста, изъ побужденій любознательности обозрѣвающаго природу и все интересное въ жизни народовъ; онъ ходилъ *прекрасными ногами благовѣстника*, возвѣщающаго миръ, благовѣствующаго радость, *проповѣдующаго спасеніе* (Ис. 52, 7). Онъ благовѣстовалъ Евангеліе Царствія полудикимъ племенамъ Сѣверной Америки и удивлялся ихъ простосердечной вѣрѣ. Онъ неумолчно проповѣдывалъ Слово Божіе въ Тавридѣ и въ послѣдніе семь лѣтъ у насъ, на крайнемъ западѣ нашего Отечества. Вездѣ сѣялъ щедро сѣмена вѣры, благочестія, христіанской истины. Это ли не жизнь

достойная христіанина, ревностнаго служителя Христова?

Вся жизнь почившаго Архипастыря проникнута была вѣрою, и эта вѣра не была мертвая; она была, по Апостолу, *поспѣшествуема любовію* (Гал., 5, 6). Владыка обладалъ нѣжнымъ, сострадательнымъ сердцемъ. Его милосердіе простиралось на всѣхъ бѣдныхъ, страждущихъ. Но особенно онъ дарилъ своимъ благоволеніемъ молодежь — эту надежду Церкви и Отечества: любовно покровительствовалъ учащимся въ высшихъ, среднихъ и всякихъ другихъ училищахъ, отечески просто и ласково обращался съ дѣтьми низшаго возраста, для которыхъ у него было всегда слово привѣта, которымъ и въ церкви у него было первое мѣсто. Онъ всегда энергично настаивалъ, что именно дѣтей нужно вести ко Христу, старательно ихъ воспитывать, сѣять въ юныя души сѣмена вѣры и добродѣтели. Онъ нерѣдко говорилъ, что старыхъ, закрутившихъ въ дурныхъ привычкахъ, трудно переубѣдить, перевоспитать, что вся наша надежда — въ дѣтяхъ, въ молодомъ поколѣніи. Отсюда его забота объ умноженіи школъ, объ учрежденіи пріютовъ, которые по его почину, при отзывчивости добрыхъ дѣятелей, стали возникать повсюду, на обширномъ пространствѣ нашей разбросанной Епархіи. Теперь, съ нашествіемъ непріятели, дальнѣйшій ростъ этихъ благодѣтельныхъ учрежденій прекращенъ; многое подавлено или сметено. Но мы вѣримъ, что Край будетъ освобожденъ отъ враговъ, ревностные дѣятели приложатъ стараніе, и добрыя сѣмена, брошенная пастырскою попечительностію почившаго святителя, взойдутъ и принесутъ свой плодъ.

Прими же, владыко святой, отъ всѣхъ насъ, и отъ меня, ближайшаго сотрудника твоего, и отъ священства и отъ всѣхъ мірянъ нашей злполучной, нынѣ разсѣянной, Епархіи, — прими выраженіе нашего глубокаго почтенія и сердечной признательности за тотъ не легкій трудъ, который ты понесъ среди насъ, для устроенія нашей жизни церковной. Будемъ помнить твою науку, которою училъ ты насъ, *какъ благоговѣнью подобаетъ въ Дому Божіи жити* (1 Тим. 3, 15). Прости намъ всѣ огорченія, которыя мы, по немощи нашей, могли причинить тебѣ нашимъ непониманіемъ или нашею косностію, и, когда обрѣтешь дерзновение у Господа, помяни насъ въ святыхъ твоихъ молитвахъ. Аминь.

Епископъ Іоасафъ.

Надгробная рѣчь, сказанная протоіереемъ Т. Теодоровичемъ въ Св. Александро-Невской Лаврѣ 23 дек. 1915 г. при отпѣваніи Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго.

Съ большой тревогой я—варшавскій пастырѣ приближаюсь къ гробу нашего Архипастыря, чтобы сказать свое послѣднее прощальное слово... Смущаюсь я не тѣмъ, что мнѣ, скромному священнику, придется говорить предъ цѣлымъ сонмомъ святителей Божіихъ, я имѣю благословеніе Первосвятителя, меня укрѣпляющее... Не смущаетъ меня и эта печальная торжественность и окружающее меня высокое молитвенное собраніе,—у меня есть благословеніе почившаго Святителя на слово сіе у его гроба и твердое сознаніе своего пастырскаго долга... Я смущаюсь тѣмъ, что уже въ послѣдній разъ я буду говорить предъ лицомъ Архипастыря, и—боюсь, скажу-ли то, что должно, что отвѣчало-бы желанію моего Архипастыря и его завѣту: „не хвалить“... Прошло уже больше 7½ лѣтъ, былъ весенній майскій день... Яркое солнце вмѣстѣ съ нами радостно привѣтствовало въѣздъ въ Варшаву вновь назначеннаго Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая. Съ восторгомъ русская Варшава встрѣчала Архипастыря, извѣстнаго своими высокими духовными дарованіями, славнаго своимъ заокеанскимъ миссіонерствомъ, краснорѣчиваго оратора, святителя, полнаго силъ, энергіи и святой ревности. Первая привѣтственная своей паствѣ рѣчь Владыки, какъ блиставшее теплыми лучами солнце, возвѣщало всѣмъ своимъ и чужимъ миръ, благожелательство, любовь, тѣ начала жизни, которыя не всегда признавались въ этой странѣ соприкосновеній разныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Энергія жизненной работы Архіепископа, входившаго въ самые скромные уголки церковно-общественной жизни, очень скоро показала варшавской паствѣ и инако вѣрующимъ, что Варшавской церковью править Архипастырѣ, исключительный, богатый дарами духа, сильный, стойкій, мужественный и строгій. Благодѣтельные результаты мудраго церковнаго водительства Архіепископа ярко обнаружались въ развитіи церковно-строительнаго, школьно-просвѣтительнаго и, особенно, благотворительнаго дѣла. Высочайшіе рескрипты ярко отмѣчаютъ высокіе архипастырскіе труды почившаго на Варшавской пивѣ. Но бываютъ въ жизни исключительно яркіе моменты, когда душа, характеръ отдѣльнаго лица или общества выявляются глубже, сильнѣе, непосредственнѣе... Такимъ моментомъ

для почившаго Святителя и Варшавской епархіи былъ послѣдній годъ, годъ тяжелой войны. И по личному настроенію и для свидѣтельства передъ внѣшними, я не могу умолчать объ этомъ послѣднемъ, роковомъ годѣ нашей жизни. И мнѣ кажется, что я чувствую здѣсь особенно ободряющій меня голосъ витающаго надъ нами духа почившаго: „я ушелъ и уже буду безмолвенъ, но ты, мой сотрудникъ и свидѣтель былого, скажи, что было и о чемъ я такъ много скорбѣлъ... Варшавская паства раньше другихъ и больше другихъ почувствовала бѣдствія начавшейся войны. Тревога, смятеніе, бѣгство, разореніе, обнищаніе—спутники войны уже съ первыхъ дней ея сильно обнаружили въ Варшавѣ. И въ отвѣтъ тогда раздался ободряющій голосъ Архипастыря, призывавшаго къ успокоенію, къ мужеству, къ терпѣнію и возвѣстившаго всѣмъ, что онъ не оставитъ своего архипастырскаго поста, чтобы ни случилось, будетъ стоять до конца на божественной стражѣ варшавской церкви.

Въ этомъ обѣщаніи чувствовался призывъ пастырямъ и паствѣ къ той интенсивной работѣ, которая выдвигалась исключительнымъ моментомъ времени. И работа началась. Уже 25 іюля 1914 г. былъ утвержденъ Владыкой нашъ докладъ о необходимости объединенія всѣхъ русскихъ благотворительныхъ обществъ Варшавы для планомерной работы въ дѣлѣ оказанія помощи обездоленнымъ войной, а 1 авг. учрежденное Варшав. духовенствомъ Попечительство о бѣдныхъ на время военныхъ дѣйствій уже начало свою работу. Такъ же ревностно не многочисленное варшавское духовенство занялось религіознымъ утѣшеніемъ раненыхъ воиновъ въ многочисленныхъ общественныхъ и частныхъ госпиталяхъ Варшавы. Но вотъ подошли осенніе угрожающіе дни. Врагъ былъ очень близокъ. Выстрѣлы заглушали звонъ варшавскихъ колоколовъ. Тревожный въѣздъ учреждений, населенія. Невольная жизнь захватила тревогой и насъ—пастырей, но сильный и вѣрный себѣ голосъ Архипастыря разсѣялъ тревогу, укрѣпилъ насъ, призывая къ усиленной работѣ. И работа пастырей закипѣла. Можетъ быть никогда въ другое время въ жизни Варшавской церкви не было такого тѣсно связующаго пастырей и паству момента на почвѣ служенія обездоленнымъ. Толпами бѣдный, разоренный, бездомный людъ разнаго званія, состоянія ежедневно собирался во дворѣ Архіерейскаго Дома, получая изъ Попечительства денежное пособіе, одежду, обувь. И по мѣрѣ возраставшей нужды, дѣло

христіанскаго благотворенія возрастало, открываются бесплатныя и дешевыя столовыя, дѣтскіе пріюты, убѣжища для бездомныхъ, лѣтнія колоніи. И все это подъ ближайшимъ покровительствомъ и руководствомъ Архіепископа. Никогда не забуду этого времени. Бывало придешь къ Владыкѣ по дѣламъ Попечительства, съ новой мыслью, съ новымъ начинаніемъ, всегда ободряющее благословеніе и обѣщаніе поддержать всякое дѣло на пользу несчастныхъ людей. И идешь въ новую работу бодрый, съ той высокой поддержкой, предъ которой все противодѣйствующее замолкаетъ. Все это прошедшее, невозвратное, но это наше *славное прошедшее*, о которомъ многіе вспоминаютъ и вспомнятъ. Открыто, у гроба нашего Святителя и передъ лицомъ присутствующихъ здѣсь нашихъ варшавскихъ сановниковъ я смѣло могу сказать, что варшавское духовенство, руководимое своимъ мужественнымъ Архипастыремъ исполнило свой долгъ предъ родиной и паствой въ эту тяжкую годину, въ ясномъ сознаніи важности и отвѣтственности переживаемаго времени. Но вотъ гроза вражескаго нашествія снова стала надвигаться на Варшаву, приближались роковые дни. Воспоминаніе о нихъ, въ связи съ разнаго рода газетными толками, отдавалось большой горечью въ сердцѣ Владыки до послѣдней минуты его жизни. Но все же должно сказать, что Архипастырь до конца оставался вѣренъ своему слову. Отъ 14 іюня получена Варшавскою Консистоіей, оповѣщена духовенству и была сообщена высшей гражданской власти резолюція Архіепископа, что онъ намѣренъ оставаться въ Варшавѣ, чтобы тамъ не происходило. И если Владыка уѣхалъ изъ Варшавы 27 іюня, то единственно уступая настойчивому предложенію военныхъ и гражданскихъ властей и соизволенію высшей духовной власти. Съ переѣздомъ почившаго Архіепископа въ Петроградъ, начались дни его тяжелой душевной страды и физическаго умиранія. Благодарю Промыслъ Божій, направившій меня искать временнаго пріюта въ Петроградѣ, и потому я былъ частымъ свидѣтелемъ житія нашего Святителя въ эти послѣдніе мѣсяцы. Несчастье, постигшее Варшавскую епархію, разсѣяніе пастырей и паствы въ разныхъ концахъ Россіи, отозвалось тяжелой скорбью въ архипастырскомъ сердцѣ, могучій организмъ какъ-то сразу ослабѣлъ, приникъ, чувствовалась временами какая-то ненужность для жизни, оставленность людьми, какъ будто горе всей Варшавской паствы, одной могучей волной захватило скорбную душу Архи-

пастыря. А затѣмъ началась болѣзнь, тяжелая, продолжительная, мучительная. Часто, а вначалѣ болѣзни ежедневно, я посѣщалъ больного Архипастыря. Болѣзнь длилась неустанно полныхъ три мѣсяца. Конечно, этого времени никогда не забыть. Больной былъ полонъ яснаго и спокойнаго сознанія приближающейся смерти и вмѣстѣ готовности до послѣдней минуты своей жизни творить свой жизненный трудъ, часто при полномъ физическомъ безсиліи. Добро, благожелательство, отеческую ласку щедрой рукой раздавалъ Владыка, какъ будто торопясь сдѣлать недодѣланное, поправить что-либо пропущенное, одѣлать милостью неосѣненное. Сидя у болѣзненнаго одра Святителя, я съ душевнымъ трепетомъ выслушивалъ проникнутыя умиленіемъ воспоминанія о почившихъ его родителяхъ, и особенно нѣжныя о матери, ея высокіе завѣты, которыми, по словамъ Владыки, онъ всегда провѣрялъ свою жизнь, и въ важныхъ случаяхъ жизни спрашивалъ себя, какъ бы велѣла ему поступить въ этомъ случаѣ мать... Минуты этого общенія съ страдающимъ Архипастыремъ всегда оставляли какой-то мягкой, умиротворяющій слѣдъ, отъ нихъ проливалась какая-то теплота и на прошедшее, оно инымъ уже казалось, пережитыя скорби, неудовлетворенность забывались. И тихая, спокойная смерть прервала эту догоравшую жизнь, и все же какъ будто неожиданно, и не хочется вѣрить, что всему конецъ. Глядишь на этотъ скорбно величественный гробъ и какъ будто здѣсь образъ нашей разоренной умершей Варшавской епархіи, вѣдь, въ сущности нѣтъ ея, какъ цѣлаго: нѣтъ нашихъ святынь, онѣ разорены, осквернены и унылымъ молчаливо свидѣлствуютъ о лучшихъ дняхъ былой жизни; пастыри и паства въ тягостномъ разсѣяніи, съ грустью вспоминая о своемъ родномъ Сіонѣ. Но не словами скорби и быть можетъ звучащей въ нихъ безнадежности я закончу свое прощальное слово, я не уйду отъ гроба твоего Святитель, какъ не имѣющій упованія. Я твердо исповѣдую твою и нашу вѣру, что ты, конечно, воскреснешь для лучшей жизни, что безсмертный и высокій духъ твой облечется въ новое уже нетлѣнное тѣло для вѣчной блаженной жизни, и въ твоемъ несомнѣнномъ воскресеніи и обновленіи такъ хочется видѣть символъ недалекаго возрожденія нашей и любимой тобой Варшавской церкви для новой лучшей жизни.

Прими же, дорогой Архипастырь наше, горестное прощаніе съ тобой, какъ выраженіе сыновней благодарности за твое у насъ святительство, и

какъ знакъ моей невыразимой скорби, что ты оставляешь насъ. Кланяюсь тебѣ, нашъ Святитель до, земли и цѣлую твою, вѣрю, благословляющую меня руку.

Праздникъ Варшавской I-ой мужской гимназіи.

12 января, день храмового праздника Варшавской I-ой мужской гимназіи и основанія первыхъ гимназій, гимназіи, дѣйствующія въ нынѣшнемъ учебномъ году въ Москвѣ, отпраздновали въ церкви Лицея Цесаревича Николая, въ помѣщеніи котораго ведутся учебныя занятія мужской гимназіи.

Въ церковномъ празднованіи этого знаменательнаго для гимназій дня принялъ участіе Преосвященный Іоасафъ, епископъ Новогеоргіевскій, управляющій Варшавскою епархіею. Владыка прибылъ въ церковь Лицея въ 10 ч. утра и былъ встрѣченъ Попечителемъ Учебнаго Округа, Княземъ И. А. Куракинымъ, Директоромъ, Главной Воспитательницей и всѣмъ педагогическимъ персоналомъ обѣихъ гимназій. Въ церкви привѣтствовалъ Владыку рѣчью законоучитель мужской гимназіи, протоіерей К. Голоскевичъ.

Владыка совершилъ литургію въ сослуженіи настоятеля храма, протоіерей І. И. Соловьева, ключаря Варшавскаго кафедральнаго собора, протоіерей Н. Шингарева и законоучителей гимназій, протоіереевъ К. Голоскевича и В. Шингарева.

Во время причастнаго стиха протоіерей К. Голоскевичъ сказалъ слово о значеніи въ религіозной жизни христіанина и въ особенности учащагося юношества покровительства святыхъ и о необходимости обращаться къ нимъ, какъ небеснымъ защитникамъ, съ молитвою о помощи и представительствѣ за насъ предъ Богомъ.

Послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ св. мученицѣ Татіанѣ. Предъ молебномъ Владыка обратился къ учащимся съ краткой рѣчью. Поздравивъ ихъ съ праздникомъ, Владыка сказалъ, что хотѣлъ бы по случаю торжества пожелать имъ чего-нибудь пріятнаго и радостнаго, но событія текущей дѣйствительности не даютъ, по видимому, основаній для такого рода пожеланій. Бѣдствія и испытанія войны, второй годъ продолжающейся, тягостно отзываются на всѣхъ гражданахъ отечества. Но не должно унывать и терять бодрости. Испытанія, даже великія, удручающе вліяютъ только на малодушныхъ. Людей

же крѣпкихъ вѣрою христіанскою, не только не расслабляютъ, но еще закаляютъ въ борьбѣ. Христіанамъ не должно страшиться испытаній. Гдѣ бѣды и страданія, тамъ и Христосъ съ божественною помощію и утѣшеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, настанутъ лучшіе дни, и всѣ Вы, обращаясь къ дѣтямъ, сказалъ Владыка, возвратитесь къ своимъ мѣстамъ, и тамъ торжественно и радостно отпразднуете свой праздникъ.

Закончилось церковное торжество провозглашеніемъ установленныхъ многолѣтій.

Въ плѣну у нѣмцевъ¹⁾.

Воспомяванія Протоіерей Н. В. Семеновскаго.

Опять въ Калишѣ.

Что-то теперь представляетъ собою Калишъ? Какія поврежденія причинены ему выстрѣлами въ то время, когда (22 іюля 1914 г.) насъ вывели изъ города въ поле? Кто пострадалъ тогда изъ жителей? До лагеря доносились разные слухи, — говорили, что Калишъ пострадалъ отъ пожара, что сгорѣла какая-то церковь (въ Калишѣ, кромѣ собора, есть еще полковая церковь). Цѣль-ли соборъ? Причтовый домъ? Эти вопросы навязчиво шли мнѣ въ голову во время пути. Утромъ 26 февраля пріѣхалъ я въ Калишъ. Вижу, сожженный еще при насъ вокзалъ возобновленъ деревянными надстройками и пристройками. Всюду снуютъ нѣмцы, служащіе на станціи, и караульные солдаты. Съ трудомъ нашелъ какого-то импровизированнаго извозчика и поѣхалъ съ провожавшимъ меня солдатомъ въ городъ. Сердце сжалось отъ боли, когда я въѣхалъ въ первую со стороны вокзала Вроцлавскую улицу и увидѣлъ вмѣсто прежнихъ многоэтажныхъ красивыхъ домовъ, стоявшихъ по обѣ стороны дороги, только груду мусора, закоптѣлыя трубы и остатки развалившихся стѣнъ. То же самое и на Варшавской и на прилегающихъ къ ней улицахъ, вплоть до самаго собора. Соборъ, гляжу, уцѣлѣлъ, только одна сѣверная сторона пострадала отъ пулеметныхъ выстрѣловъ, изъязвлена пулями штукатурка и выбиты стекла, да разрушена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковная ограда.

Трудно словами передать то удручающее впечатлѣніе, какое произвело на меня огромное пожарище, площадью съ квадратную версту. Мнѣ сказывали потомъ мѣстные жители, что

¹⁾ Окончаніе; см. № 19 Варш. Еп. Лист. за 1915 г.

сожжено нѣмцами до 360 полицейскихъ домовыхъ нумеровъ. Сколько же тамъ было построекъ, кромѣ фронтowychъ домовъ?! Убытокъ отъ такой дикой расправы Прейскера съ неповиннымъ городомъ оцѣнивають, по меньшей мѣрѣ, въ 50 милліоновъ рублей, не считая разграбленнаго нѣмцами движимаго имущества!

Подѣхалъ я къ комендатурѣ, помѣщающейся въ домѣ фабриканта Михеля,—нужно было объявиться мѣстному коменданту. Пришлось въ канцеляріи ждать его часа два. Пришелъ, наконецъ, комендантъ фонъ Гаммъ, какъ потомъ назвали мнѣ его, взялъ отъ провожавшаго меня солдата бумаги, должно быть, препроводительныя,—гордымъ взглядомъ смѣрилъ меня съ головы до ногъ (я былъ въ свѣтскомъ пальто), и, не подавая мнѣ руки, крикливо объявилъ свои приказанія по-нѣмецки, а переводчикъ передалъ по-польски: „живя въ Калишѣ, не смѣйте заниматься „конспираціей“, поменьше имѣйте общенія со своими; выходить за черту города вамъ строго воспрещается,—а то будете разстрѣляны: извольте являться каждую субботу въ комендатуру“. — „Какъ будетъ съ богослуженіемъ“, спрашиваю я, „можно-ли мнѣ служить въ соборѣ и совершать для своихъ прихожанъ духовныя требы?“ — „Вамъ дадутъ ключъ отъ церкви, можете служить; но звонить позволяю не болѣе пяти минутъ, а то звонъ можетъ мѣшать нашимъ больнымъ солдатамъ“. Комендантъ небрежно кивнулъ мнѣ головой и на томъ окончилось наше первое свиданіе.

Мнѣ дали въ комендатурѣ ключъ отъ большого висячаго замка, которымъ заперты были церковныя двери. Оказалось, что внутренніе замки въ дверяхъ были взломаны нѣмцами, когда они не нашли нашихъ ключей отъ собора. Въ соборъ пошелъ я не одинъ, а попросилъ сопутствовать мнѣ фабриканта Михеля, бывшаго тогда калишскимъ бургомистромъ. Боже! что представилось нашимъ глазамъ, когда мы вошли въ соборъ! Повсюду слѣды возмутительнаго кошунства: на полу валялась масса сигарныхъ окурковъ,—значить, въ соборѣ нѣмцы курили. Мало того, они водили съ собой собакъ, на что указывали слѣды собачьихъ лапъ на полу. Царскія двери растворены; на Престолѣ въ безпорядкѣ набросаны взятыя съ клироса богослужебныя книги и ноты; Св. Антиминсъ, Евангеліе, на престольный Крестъ украдены, Дарохранительница изломана, Св. Дары изъ нея унесены. Изъ шкафчика при восточной алтарной стѣнѣ похищены священныя сосуды: потиръ, дискось, звѣздица, лжица, копіе, взяты даже

крестильный ящикекъ. Церковныя облаченія, видимо, были выброшены на полъ и потомъ назадъ положены въ ящики комодовъ кучей, въ безпорядкѣ, перепутаны: въ одномъ ящикѣ лежитъ фелонь, а въ другомъ—епитрахиль къ ней, въ третьемъ—поручи и такъ все. Настѣнные кружки для сбора пожертвованій на разныя нужды взломаны и содержимое въ нихъ украдено. Стекла въ окнахъ, особенно съ сѣверной стороны храма, прострѣляны, на потолкѣ—язвы отъ пуль, а на полу—осколки стеколъ. Изъ иконнаго шкафа нѣкоторыя иконы украдены, а съ нѣкоторыхъ сняты серебряно-вызолоченныя ризы или оклады, иконы же и футляры къ нимъ брошены на полу. Вообще храмъ оскверненъ и разграбленъ, какъ дикими варварами! А вѣдь это сдѣлано нѣмцами, „культурными“ христіанами, на шапкахъ которыхъ нашиты кресты и даже на поясныхъ пряжкахъ выгравированы слова: „mit uns Gott“ — съ нами Богъ! Хорошо, подумалъ я, что драгоценную соборную утварь я успѣлъ 18-го іюля 1914 года отправить почтовой страховой посылкой въ Смоленскъ, на имя настоятеля кафедральнаго собора, а то все было бы разграблено.

Изъ собора я обратно пошелъ съ тѣмъ же г. Михелемъ къ коменданту—заявить ему, что наша православная святыня—Антиминсъ и священныя сосуды украдены; а потому совершать важнѣйшее христіанское богослуженіе—литургію я не имѣю возможности, притомъ же храмъ обращенъ въ какой-то вокзальный залъ III-го класса. Комендантъ въ этотъ разъ принялъ меня значительно вѣжливѣе и даже удостоилъ спросить моего совѣта, откуда можно достать вещи, нужныя для богослуженія. Я посоветовалъ послать кого-нибудь въ Лодзь, тамъ три приходскихъ храма и, можетъ быть, найдется свободный антиминсъ и приборъ священныхъ сосудовъ. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Лодзь бургомистръ Михель съ моимъ письмомъ на имя священника. Къ нашему счастью, въ Лодзи оказался о. протоіерей Антоній Рудлевскій со своимъ помощникомъ о. Теодоромъ Валиковскимъ. О. Рудлевскій отвѣтилъ мнѣ любезнымъ письмомъ, въ коемъ сообщилъ, что посылаетъ съ г. Михелемъ запакованные въ ящикъ Св. Сосуды и въ нихъ—запасныя Св. Дары для причащенія больныхъ и Св. Агнецъ, приготовленный для литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, чтобы причастить желающихъ поговѣть оставшихся въ Калишѣ нашихъ прихожанъ (это было на пятой седмицѣ Великаго поста); Антиминса же прислать не могъ, такъ какъ изъ домовыхъ лодзин-

скихъ церквей Антиминсы имъ отосланы предъ войной въ г. Смоленскъ и оставленъ только одинъ для служенія въ соборѣ. Здѣсь, къ слову скажу, что тотъ же о. протоіерей и по высылкѣ намъ дорогихъ священныхъ предметовъ не оставялъ думать и заботиться объ насъ, несчастныхъ православныхъ калишанахъ, святотатственно ограбленныхъ нѣмцами: онъ при первой же возможности съѣздивъ изъ Лодзи въ г. Границу, изъ тамошней церкви взялъ свободный Антиминсъ и нарочно привезъ его въ Калишъ, скорбя душой, что мы и въ Св. Пасху можемъ остаться безъ литургіи. Но привезенный о. Рудлевскимъ Антиминсъ оказался уже лишнимъ, потому что наши прихожане скоро сообщили мнѣ, что храмъ въ г. Сѣрадзѣ (нашего калишскаго прихода) не разграбленъ нѣмцами и тамъ, вѣроятно, цѣла вся утварь. Мы послали нарочнаго въ Сѣрадзъ и съ помощью православнаго христіанина получили оттуда и Св. Антиминсъ и священные сосуды.

Имѣя теперь все нужное для совершенія литургіи (кромѣ просфоръ, которыя пришлось замѣнить покупнымъ большимъ хлѣбомъ), я объявилъ прихожанамъ, что съ субботы (7 марта), послѣ предварительнаго малаго освященія собора, будутъ ежедневно совершаться въ немъ церковныя службы и желающіе поговѣть могутъ исполнить этотъ христіанскій долгъ. Желающими, конечно, оказались всѣ, кто изъ православныхъ оставался въ Калишѣ и его окрестностяхъ, на пространствѣ почти всей Калишской губерніи, такъ какъ, кромѣ Велюньскаго прихода, отовсюду православные причты выѣхали. Всѣхъ въ Калишѣ и въ д. Шипорно (при тамошнѣ) осталось православныхъ не болѣе 120—150 человекъ обою пола съ дѣтьми.

Въ субботу, 7 марта, передъ всенощной мы совершили малое водоосвященіе и окропленіе „по чину“, всего храма, предварительно очищеннаго отъ всякаго мусора и тщательно вымытаго. Слезы умиленія и радости заблестѣли на глазахъ богомольцевъ, когда раздались первые звуки церковной молитвы послѣ семимѣсячнаго перерыва изъ-за моего плѣна въ Германіи. Пѣли пока двое: больной псаломщикъ А. Пискаржевскій, брошенный своей семьей на произволъ судьбы въ Калишѣ, и многолѣтняя участница нашего, прежде славнаго хора Е. Н. Абрамова, не пожелавшая оставить совершенно одинокою свою воспитательницу, служившую 40 лѣтъ надзирательницей калишскаго дѣтскаго пріюта, С. А. Цакони, и ради ея оставшаяся въ Калишѣ. Вскорѣ намъ удалось составить маленькій,

но довольно стройный хоръ пѣвчихъ изъ чиновниковъ таможни, любителей церковнаго пѣнія, и двухъ военноплѣнныхъ нашихъ солдатиковъ, служившихъ санитарями въ калишскомъ эвакуаціонномъ госпиталѣ и, съ разрѣшенія коменданта, приходившихъ подъ нѣмецкимъ конвоемъ въ церковь. Съ 7 марта до конца Великаго поста въ теченіе всей Свѣтлой седмицы богослуженіе въ соборѣ совершалось ежедневно, а потомъ во всѣ воскресныя и праздничныя дни неупустительно. За богослуженіемъ, кромѣ православныхъ, бывало въ соборѣ немало и нѣмцевъ, особенно въ праздники. Приходили они, какъ сами объясняли, послушать пѣніе и посмотрѣть на наше богослуженіе; а намъ думается—и прослѣдить при этомъ, не ведутся ли нами какія-либо „конспиративныя“ бесѣды съ прихожанами. Часто нѣмцы заходили въ соборъ и до службы и послѣ нея, въ разныя часы дня, очевидно, изъ простаго любопытства—осмотрѣть храмъ и потомъ высказывали намъ свое удовольствіе отъ красоты его и богатаго убранства иконами. На первыхъ порахъ намъ приходилось возмущаться нахальствомъ нѣмцевъ, офицеровъ и солдатъ, позволявшихъ входить въ соборъ въ шлемахъ и шапкахъ, даже съ сигарами во рту; но я сейчасъ обратился къ коменданту съ просьбой—вывѣсить на наружной сторонѣ церковныхъ дверей объявленіе, за его подписью, что въ храмъ православный запрещается входить мужчинамъ въ головныхъ уборахъ, а тѣмъ болѣе съ сигарами во рту,—или объявить объ этомъ запрещеніи въ приказѣ по гарнизону. Комендантъ сдѣлалъ послѣднее и такихъ оскорбительныхъ для нашего религіознаго чувства явленій больше не повторилось,—даже на самое посѣщеніе собора нѣмцы предварительно стали спрашивать моего позволенія.

На страстной недѣлѣ обратился ко мнѣ комендантъ сосѣдняго съ Калишемъ, такъ называемаго Скальмежицкаго лагеря военноплѣнныхъ, графъ Энгаузенъ, съ просьбой—совершать у нихъ въ лагерѣ богослуженія, особенно на Пасхальной седмицѣ, и исповѣдать и причастить плѣнныхъ, которые о томъ заявили ему свое желаніе. Я, конечно, съ охотой и радостью согласился на эту просьбу и мы съ псаломщикомъ Пискаржевскимъ и мальчикомъ В. Алексѣевымъ, служившимъ въ церкви въ качествѣ церковника, съ 23 марта начали ѣздить на военномъ автомобилѣ въ Скальмежицкій лагерь. Богослуженія совершали тамъ не менѣе трехъ разъ въ недѣлю. Сначала служили обѣдницы съ добавленіемъ молебновъ Спа-

сителю и Божіей Матери и послѣ исповѣди я причащаль солдатъ запасными Св. Дарами, а потомъ, когда, по моей просьбѣ, была построена въ лагерѣ переносная часовенка, стали служить утреню и полную литургію на Антиминсѣ, который я привозилъ съ собой изъ Калиша. Въ холодные дни богослуженіе совершалось въ особомъ большомъ баракѣ и тогда комендантъ присылалъ къ службѣ отъ 300—500 солдатъ; а въ теплые дни молились подъ открытымъ небомъ, на площади между бараками, а алтаремъ служила часовенка, устанавливаемая на удобномъ мѣстѣ, впереди солдатъ. Въ этихъ случаяхъ къ богослуженію собирались все православные плѣнные солдаты, до 5 тысячъ человекъ. Изъ нихъ выбирались пѣвчіе и становились вблизи псаломщика; подъ его руководствомъ пѣли довольно стройно всю службу; а нѣкоторыя пѣснопѣнія, какъ „Вѣрую во единого Бога“, „Достойно есть“, „Отче нашъ“ и „Спаси Господи“ пѣлись всемъ лагеремъ. Исповѣдалъ я и причастилъ тамъ до 4-хъ тысячъ солдатъ, начавши съ больныхъ, лежавшихъ въ лагерныхъ лазаретахъ. Послѣ праздника Св. Троицы богослуженія въ Скальмежицкомъ лагерѣ прекратились, вслѣдствіе появленія въ лагерѣ холеры. Всѣхъ умершихъ въ этомъ лагерѣ съ марта мѣсяца 1915 года по августъ включительно, сколько помню по записямъ въ метрическихъ книгахъ, было 76 человекъ.

Въ праздники Св. Пасхи и Пятидесятницы мы совершали богослуженія и въ Калишскомъ эвакуаціонномъ лазаретѣ, устроенномъ нѣмцами въ прежней городской больницѣ. Въ первомъ случаѣ мы молились въ большомъ больничномъ баракѣ, куда были собраны выздоравливающіе больные и раненые солдаты, человекъ до 200; а въ послѣднемъ—служили обычную въ день Св. Троицы вечерню, съ колѣнопреклоненными молитвами, на открытомъ воздухѣ, въ саду при больницѣ. Сюда вышли болѣе здоровые изъ плѣнныхъ солдатъ, а неопасно больныхъ вынесли на кроватяхъ и расположили рядами подъ тѣнистыми деревьями. Нужно ли говорить о той душевной радости нашихъ плѣнныхъ, объ усердной, трогательной, не рѣдко слезной ихъ молитвѣ, какую приходилось намъ наблюдать при богослуженіяхъ какъ въ этомъ лазаретѣ, такъ и въ Скальмежицкомъ и Коттбускомъ лагеряхъ? Это вполне понятно. Изстрадавшись въ плѣну отъ голода, холода и разныхъ болѣзней, наши несчастные солдатики находили единственное для

себя утѣшеніе въ горячей молитвѣ къ Богу—Спителю и Царицѣ Небесной, прося себя и исцѣленія отъ недуговъ и небесной помощи для терпѣливаго, безропотнаго перенесенія выпавшаго на ихъ долю страданія въ плѣну у жестокихъ враговъ, вдали отъ Родины, безъ вѣстей о судьбѣ своихъ родныхъ!

Невольно намъ думалось тогда, какое бы великое благодѣяніе было оказано нашимъ роднымъ солдатамъ, если бы во всѣхъ вражескихъ лагеряхъ для военноплѣнныхъ совершались нашими священниками церковныя службы! Для этого, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ нужды посылать туда священниковъ изъ Россіи. Намъ, со словъ врачей, присланныхъ нѣмцами въ Коттбускій лагерь во время развившейся здѣсь тифозной эпидеміи, извѣстно, что въ Цорндорфѣ, напр., въ Кюстринѣ и въ другихъ лагеряхъ томятся въ плѣну безъ всякаго дѣла по 8 священниковъ. Слѣдовало бы только снестись съ нѣмецкими и австрійскими военными властями о командировкѣ такихъ священниковъ въ тѣ лагери военноплѣнныхъ, гдѣ священниковъ нѣтъ; а изъ Россіи выслать туда нужныя для совершенія богослуженій облаченія, церковныя книги и если бы представилась возможность—то и Антиминсы со священными сосудами, тогда во всѣхъ лагеряхъ совершались бы не только всенощныя, обѣдницы и молебны, но и Литургіи и была бы возможность исповѣдать и причастить плѣнныхъ, желающихъ поговѣть, какъ дѣлалось въ Скальмежицкомъ лагерѣ, и напутствовать Св. Тайнами тяжело больныхъ. Для сей послѣдней цѣли меня часто вызывали нѣмецкіе врачи въ Калишскій лазаретъ, особенно къ больнымъ холерой или къ страдающимъ отъ удушенія ядовитыми газами, когда сами больные, не надѣясь на свое выздоровленіе, просили чрезъ санитаровъ, инспектора лазарета или старшаго врача послать за священникомъ. Нѣмцы не отказывали больнымъ въ такой просьбѣ и присылали за мной и днемъ и ночью извозчика или автомобиль.

Умершихъ въ Калишскомъ эвакуаціонномъ лазаретѣ, за время—съ марта м. по августъ включительно, было около 15 человекъ. Погребали мы ихъ на Калишскомъ городскомъ „Греко-Россійскомъ“ православномъ кладбищѣ, какъ ближайшемъ къ лазарету. Пробовалъ было я просить комендатуру сдѣлать распоряженіе о погребеніи плѣнныхъ солдатъ, умершихъ въ лазаретѣ, особенно отъ заразныхъ болѣзней, не на Греко-Россійскомъ кладбищѣ, чрезвычайно переполненномъ

могилами и притомъ находящемся въ чертѣ города,—а на загородномъ— „Майковскомъ“, часть котораго давно назначена для погребенія воинскихъ чиновъ; но получилъ нелѣпый отвѣтъ: „если Вы прикажете своимъ сторожамъ копать могилы на Майковскомъ кладбищѣ и отвозить туда *ночью* (?) своихъ покойниковъ, то мы согласимся на погребеніе ихъ тамъ; а то намъ далеко туда посылать своихъ солдатъ для копанія могилъ“. Не имѣя для означенной цѣли въ своемъ распоряженіи ни людей, ни тѣмъ болѣе—лошадей, я принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей просьбы по вопросу о кладбищахъ, тѣмъ болѣе, что я слышалъ отъ сторожа „Майковскаго“ кладбища Ивана Лукашина, что тамъ не далеко отъ кладбища, нѣмцы приготовили окопы, къ которымъ близко подходить никому не разрешаютъ. Въ этомъ, можетъ быть, и кроется причина распоряженія — отвозить покойниковъ на „Майковское“ кладбище *ночью*.

Жить въ Калишѣ пришлось мнѣ не въ церковномъ домѣ, а въ домѣ фабриканта Михеля. Основаній для этого было нѣсколько, а главное то, что я, по чувству дружбы и товарищества, не могъ оставить совершенно одинокимъ престарѣлаго и притомъ больного Александра Александровича Зеланда. Съ нимъ мы не разлучались со дня взятія насъ въ плѣнъ. Теперь въ Калишѣ при Александрѣ Александровичѣ не было ни одной родственной, ни близко знакомой ему души: жена и дѣти его, въ бытность его въ плѣну, выѣхали въ Россію. Казенная квартира его въ Окружномъ Судѣ была занята нѣмецкими врачами и ему, по возвращеніи изъ Коттбускаго лагеря, отведена комендатурой квартира въ домѣ Михеля. Здѣсь же вмѣстѣ съ нимъ, по вышеуказанному побужденію и по его усердной просьбѣ, поселился и я, тѣмъ болѣе, что и моя квартира въ церковномъ домѣ была занята нѣмцами: въ ней, въ одной половинѣ, жилъ—псаломщикъ А. П. Пискаржевскій и вдова русскаго врача А. А. Григорьева-Кухоцкая, а въ другой—сложены были вещи этой вдовы и ея дѣтей. Поселилась она въ церковномъ домѣ по указанію комендатуры, послѣ бѣгства изъ Калиша моей дочери (на пятый день послѣ моего плѣненія) и послѣ разграбленія нѣмцами нашихъ вещей. А псаломщику Пискаржевскому и не оставалось другого мѣста въ церковномъ домѣ, какъ только въ моей квартирѣ, такъ какъ верхній этажъ дома, гдѣ жили псаломщики, поврежденъ орудійными выстрѣлами во дни неистовства Прейскера,

а средній этажъ съ августа мѣсяца прошлаго года и по настоящее время занятъ писарями комендатуры. Пожалуй, потѣснивъ сложенные въ моей квартирѣ вещи вдовы Григорьевой-Кухоцкой, можно было бы очистить для меня хотя одну комнату, но въ такомъ случаѣ я оставилъ бы одинокимъ и безпомощнымъ А. А. Зеланда, да и самъ не имѣлъ бы покоя отъ постоянныхъ посѣщеній какъ прихожанами, такъ и посторонними, и по дѣлу и безъ всякаго дѣла, а это могло бы подать коменданту поводъ подозрѣвать меня въ воображаемой имъ „конспираціи“. Напротивъ, живя въ верхнемъ этажѣ дома Михеля, гдѣ внизу помѣщалась комендатура, а передъ входомъ въ домъ стоялъ карауль, не пропускавшій неизвѣстныхъ ему лицъ, я былъ тѣмъ самымъ застрахованъ отъ возможныхъ подозрѣній со стороны коменданта. Своимъ прихожанамъ я объявилъ, что они могутъ ко мнѣ обращаться со своими нуждами и просьбами всего удобнѣе въ церкви, послѣ богослуженія. Тамъ я справлялся у своихъ прихожанъ о нуждѣ бѣдняковъ и раздавалъ имъ посильныя пособія на пропитаніе. Самъ я одолажалъ на свое содержаніе деньги въ городскомъ магистратѣ, съ обязательствомъ уплатить ихъ послѣ войны, а изъ одолженныхъ денегъ помогалъ всѣмъ своимъ калишскимъ бѣднякамъ. Имъ же отдавалъ и тѣ деньги, которыя выручались отъ продажи церковныхъ свѣчей и собирались за богослуженіями на тарелку. (Запись этихъ денегъ проведена мной по приходо-расходнымъ книгамъ собора, выданнымъ Духовной Консисторіей).

Жизнь въ Калишѣ, насколько мы наблюдали ее съ марта мѣсяца, день ото дня все дорожала, цѣны на предметы первой необходимости все росли... Въ августѣ мѣсяцѣ фунтъ чернаго хлѣба (съ примѣсью картофеля) стоилъ 12 коп. и его можно было получить изъ пекарни только по предъявленіи выданной нѣмцами карточки и не болѣе $\frac{3}{4}$ фунта въ день на человѣка; мясо 37 к. фунтъ, масло 1 р. фунтъ, сало 90 к. ф... Къ тому же домохозяева, подъ давленіемъ магистрата, обложившаго ихъ разными сборами, стали теперь требовать отъ жильцовъ платы за квартиры, а не платящихъ—выгоняли изъ квартиръ. Бѣдность увеличилась до крайности. Что можно было заложить или продать—заложено и продано за безцѣнокъ. Учрежденные еще въ прошломъ году польскимъ и еврейскимъ обществами „Попечительскіе комитеты о бѣдныхъ“, дѣйствовали и при насъ: они раздавали дешевые и бесплатные обѣ-

ды; но и у этихъ комитетовъ не всегда хватало средствъ для удовлетворенія увеличившейся, кричащей нужды. А сколько мы знали среди интеллигентныхъ калишанъ молчаливыхъ бѣдняковъ, которымъ тяжело протянуть руку съ просьбой о помощи, а заработать интеллигентнымъ трудомъ на пропитаніе не было возможности! На почвѣ бѣдности возникли и развились разные проступки и пороки. Знакомые намъ ксендзы и раввинъ Лившицъ говорили, что они не знаютъ, какъ уже и бороться съ развившейся подъ влияніемъ нѣмцевъ проституціей... Среди православныхъ подобныхъ грустныхъ и гнусныхъ явленій не наблюдалось пока, — по крайней мѣрѣ, мнѣ не заявляли о томъ прихожане; но и они терпятъ теперь страшную нужду и находятся даже подъ угрозой голодной смерти. Разъ приходитъ ко мнѣ жена одного православнаго рабочаго — Данилевичъ, приноситъ два золотыхъ натѣльныхъ крестика, данныхъ ея дѣтямъ при крещеніи, и проситъ меня купить ихъ, такъ какъ у нея нѣтъ денегъ и она съ дѣтьми страшно голодаетъ. Крестики я взялъ и тутъ же при ней нашиль ихъ на картонъ и положилъ въ церковный ящикъ съ запиской, что они принадлежать Данилевичъ и должны быть выданы ей обратно по окончаніи войны, — а Данилевичъ далъ пособіе на хлѣбъ и велѣлъ ей приходиться за такимъ же пособіемъ каждую недѣлю. Такихъ пособій за время моего пребыванія въ Калишѣ (съ марта по августъ м.) выдано мною бѣднымъ болѣе 200 рублей. Кромѣ того, фабрикантъ Шраеръ принесъ мнѣ 20 марта с. г. 200 рублей и заявилъ, что эти деньги собраны еврейскимъ комитетомъ, который проситъ меня принять и раздать ихъ, по моему усмотрѣнію, православнымъ бѣднымъ ради предстоящаго Свѣтлаго праздника Пасхи. Я поблагодарилъ чрезъ г. Шраера еврейскій комитетъ за такой щедрый даръ нашимъ бѣднякамъ, но попросилъ г. Шраера письменно указать источникъ и назначеніе этихъ денегъ, что онъ тутъ же и исполнилъ. Такимъ образомъ, благодаря щедрому пожертвованію еврейскаго комитета, наши бѣдняки не остались въ Свѣтлый праздникъ безъ „краснаго яичка“.

Живя вдвоемъ съ А. А. Зеландомъ мы проводили свободное время, главнымъ образомъ, за чтеніемъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія. Книги бралъ я изъ уцѣлѣвшей отъ нѣмецкаго разгрома нашей церковной бібліотеки, или приносили ихъ наши знакомые. Чтеніе книгъ какъ бы сокращало время и отвлекало отъ груст-

ныхъ думъ о нашихъ семействахъ, отъ которыхъ въ Калишѣ не дошло къ намъ ни одного письма, хотя какъ оказалось потомъ, было послано ихъ немало. А какой „книжный голодъ“ и въ связи съ этимъ — душевныя муки испытывали мы въ Коттбускомъ лагерѣ, не говоря уже о тюрьмѣ въ Познани! Зная это по горькому опыту, я при первыхъ же поѣздкахъ въ Калишскій — Скальмежицкій лагерь отвезъ туда и роздалъ нашимъ плѣннымъ солдатикамъ всѣ брошюры и „Троицкіе листки“, какіе оставались въ соборѣ отъ прежнихъ выписокъ для раздачи нашимъ прихожанамъ; а плѣннымъ раненымъ офицерамъ, лежавшимъ въ калишскомъ эвакуаціонномъ лазаретѣ, привозилъ и присылалъ чрезъ санитаровъ книги и журналы изъ бібліотекъ калишскихъ русскихъ бѣженцевъ. И солдаты и офицеры выражали мнѣ глубокую благодарность за такую духовную, ответственную пищу. Невольно вспоминались мнѣ въ то время наши несчастные солдатки, томившіеся въ коттбускомъ лагерѣ при голодѣ тѣлесномъ еще и голодомъ духовнымъ. Ходятъ они, бывало, толпами по лагерю, рѣшительно ничѣмъ не занятые по цѣлымъ днямъ, кромѣ мелкихъ взаимныхъ дразгъ и сплетенъ и грязныхъ разговоровъ. Ахъ! какъ нужна нашимъ плѣннымъ духовная пища въ видѣ Евангелій, брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія! Думается намъ, что наши св. обители — эти историческія „духовныя житницы“ — могли бы въ достаточномъ количествѣ послать чрезъ „Русскій Комитетъ въ Стокгольмъ“ во всѣ лагери крайне необходимый для нашихъ плѣнныхъ воиновъ „духовный хлѣбъ“; а то, какъ мы слышали, враги нашей дорогой Родины и Православной Церкви не дремлютъ и пользуются настоящимъ моментомъ для наводненія лагерей военноплѣнныхъ и революціонной и антицерковной литературой изъ Швейцаріи и Берлина.

Къ глубокому нашему прискорбію, сожитель нашъ А. А. Зеландъ въ маѣ мѣсяцѣ опасно заболѣлъ. У него, при общемъ старческомъ склерозѣ, да при давнишней болѣзни почекъ и слабой дѣятельности сердца, оказался еще выпотной плевритъ, начавшійся, по мнѣнію врачей, отъ простуды еще въ коттбускомъ лагерѣ, гдѣ намъ пришлось жить въ баракахъ съ чрезвычайно неустойчивой внутренней температурой (то 5° — то 25°). Бѣдный старецъ (ему 71-й годъ) пролежалъ въ постели около трехъ мѣсяцевъ. По временамъ теченіе его болѣзни внушало намъ серьезныя опасенія за жизнь и пользовавшій его извѣстный въ

Калишѣ опытный врачъ С. Сикорскій приглашалъ тогда на консилиумы нѣмецкихъ врачей, изъ коихъ помню Франксберга. Въ половинѣ августа мѣсяца А. А. Зеландъ сталъ понемногу поправляться и ходить по комнатѣ, а къ концу мѣсяца поправился настолько, что собирался, по совѣту врача, выѣхать въ городской паркъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Прежде, до его бо- лѣзни, мы гуляли съ нимъ ежедневно вдвоемъ, а теперь пришлось мнѣ гулять одному. Любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ былъ городской паркъ, къ слову сказать, ни мало не пострадавшій отъ артиллерійскихъ выстрѣловъ въ пору неистовства „рыцаря печальнаго ордена“, маіора Прейскера и не запущенный потомъ, благодаря заботливому уходу за нимъ прежнихъ сторожей и садовниковъ. Печальными памятниками июльскихъ нѣмецкихъ звѣрствъ остались здѣсь три могилы, съ зарытыми въ нихъ (а потомъ, будто бы, перенесенными на кладбища), неизвѣстными намъ жертвами. Это отчасти волновало насъ при прогулкахъ по парку,—было при томъ и другое неудобство: приходилось здѣсь часто встрѣчаться съ гуляющими нѣмецкими офицерами и солдатами. Но что оставалось дѣлать? другого мѣста болѣе удобнаго для прогулокъ не было. Пребывали гулять по ущѣлѣвшимъ отъ пожара улицамъ города¹⁾; но тутъ—свои неудобства: во-первыхъ, нужно было проходить мимо сгорѣвшихъ домовъ, а это удручающе дѣйствовало на наши наболѣвшіе нервы; а во-вторыхъ, приходилось часто встрѣчаться съ знакомыми лицами, обязательно останавливающими васъ для разговоровъ, причемъ разговоры неизбежно переводились или на темы о войнѣ, о нѣмцахъ и ихъ поступкахъ и т. п. При множествѣ нѣмецкихъ шпионовъ въ Калишѣ разговоры на такія темы далеко небезопасны. Изъ-за такихъ разговоровъ пострадалъ одинъ изъ нашихъ товарищей-заложниковъ А. В. Жирицкій. Онъ былъ возвращенъ изъ коттбускаго лагеря въ Калишъ 20 марта и благополучно жилъ здѣсь до конца іюля, потомъ встрѣтившись на прогулкѣ со своими знакомыми, вступилъ съ ними въ разговоръ и позволилъ себѣ рѣзкія сужденія о нѣмцахъ. Шпионы подслушали это, донесли коменданту, и несчастнаго А. В.

Жирицкаго въ одно утро взяли съ карауломъ въ комендатуру и оттуда отправили за границу, въ Германію, въ какой-то солдатскій лагерь военнопленныхъ. Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось намъ жить въ Калишѣ! Здѣсь нужно было „держать языкъ за зубами“ не только на улицѣ, но даже и на квартирѣ. Когда приходили къ намъ знакомые навѣстить насъ, особенно во время болѣзни А. А. Зеланда, мы прежде всего тщательно запирали двери и уходили для разговоровъ въ среднюю комнату и тамъ разговаривали въ полголоса. Къ чести и похвалѣ мѣстныхъ интеллигентныхъ поляковъ, слѣдуетъ сказать, что они не забывали насъ въ такое тяжелое время, часто приходили къ намъ, особенно присяжный повѣренный Телесфоръ Іосифовичъ Кожуховскій, и по мѣрѣ возможности заботились о нашихъ удобствахъ. Навѣстили насъ и ксендзы; прелатъ Плошай и Маевскій и даже равнины Лившицъ и Мозесъ. Поляки, повидимому, единодушно дѣлили съ нами и радость по поводу нашихъ военныхъ успѣховъ и горе въ случаѣ неуспѣховъ. Особенно всѣхъ насъ страшно возмущало распоряженіе комендатуры о звонѣ въ наши соборные и костельные колокола по случаю нѣмецкихъ частичныхъ успѣховъ на восточномъ или западномъ фронтѣ. Тогда присылали ко мнѣ изъ комендатуры солдата за ключами отъ колокольни, забирались туда нѣмецкіе солдаты и звонили во всѣ колокола полчаса. По звону на соборной колокольнѣ начинался звонъ и въ костельные колокола. А когда наши войска отступали отъ Варшавы, то нѣмцы въ Калишѣ сначала проиграли на нашей колокольнѣ похоронный маршъ Россіи, потомъ звонили полчаса, а вечеромъ устроили по городу шествіе съ факелами и музыкой. Вотъ такой звонъ, должно быть, не нарушалъ покоя больныхъ и раненыхъ нѣмцевъ, а между тѣмъ звонъ къ богослуженію былъ ограниченъ комендантомъ только пятью минутами подъ предлогомъ, будто бы онъ *можетъ мѣшать больнымъ нѣмцамъ*. О, нѣмецкое лукавство!

Прожили мы съ А. А. Зеландомъ въ Калишѣ до конца августа мѣсяца и не думали о скоромъ возвращеніи въ родную землю; напротивъ, считали себя уже обреченными судьбой на сидѣніе въ плѣну до конца войны. Вдругъ, 28 августа приходитъ къ намъ изъ комендатуры писарь Глябюнъ и приноситъ телеграмму Германскаго военнаго министерства о томъ, что намъ предоставляется право выѣхать въ Россію въ обмѣнъ на нѣмцевъ, соответственнаго ранга, задержанныхъ

¹⁾ Назову ихъ для любопытствующихъ знать: конецъ Вроцлавской улицы (отъ больницы въ поле, къ вокзалу), Новый Свѣтъ, Дубжецкая, часть Вейской, Аллея Юзефина (кромѣ крайнихъ домовъ при Вроцлав. ул.) Ново-Оградовая, Товарная съ прилегающей къ ней Песковой, Бабиная съ прилегающей къ ней, Ковстрынокъ, Ставишинское предмѣстье, Тынецъ, Нецѣлая, Парковая. (кромѣ домовъ И. Матвѣева). Площадь Св. Іосифа (одна сторона), Лазенная (одна сторона),—словомъ окраинныя улицы.

тамъ, и предлагается намъ выѣхать 1—4 сентября. Сначала мы не повѣрили такому сообщенію, до того оно было неожиданно для насъ, тѣмъ болѣе, что разъ уже было объявлено намъ въ коттбускомъ лагерѣ (28 октября 1914 г.) подобное распоряженіе военнаго министерства, но не осуществилось, и мы просидѣли въ плѣну еще 10 мѣсяцевъ. Такъ какъ телеграмма была написана на нѣмецкомъ языкѣ, для насъ недостаточно понятномъ, то мы попросили писаря принести намъ изъ комендатуры переводъ телеграммы хотя бы на польскій языкъ (въ комендатурѣ по-русски не писали), чтобы намъ совершенно ясенъ былъ смыслъ ея. Скоро былъ принесенъ и переводъ и мы убѣдились, что это не мистификація, а дѣйствительно—распоряженіе министерства. Конечно, мы были чрезвычайно обрадованы такимъ распоряженіемъ. Надо было только выяснитъ для себя слѣдующіе вопросы: на чей счетъ мы будемъ отправлены въ Россію, въ какомъ классѣ поѣдемъ (имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, слабое здоровье А. А. Зеланда) и сколько можно взять съ собой багажа? На эти вопросы намъ комендатура отвѣтила черезъ посланнаго, что мы поѣдемъ на казенный счетъ во II-мъ классѣ, багажа можно взять сколько угодно, только съ собой въ вагонъ нельзя брать болѣе двухъ и то небольшихъ мѣстъ, такъ какъ намъ для услугъ въ пути по Германіи будетъ данъ только одинъ солдатъ. Послѣ того я пошелъ въ комендатуру выяснитъ еще одинъ и очень важный вопросъ: будетъ ли присланъ въ Калишъ вмѣсто меня другой священникъ, для совершения богослуженій и требъ и для заботъ объ оставшихся здѣсь русскихъ бѣднякахъ, въ противномъ случаѣ я предпочту остаться въ плѣну, чтобы раздѣлять участь со своими прихожанами до конца войны. Адъютантъ Шиллеръ сказалъ мнѣ: „сейчасъ коменданта нѣтъ въ Калишѣ, выѣхалъ онъ на недѣлю; когда возвратится, немедленно выпишетъ изъ ближайшаго лагеря въ Калишъ какого-либо священника изъ военноплѣнныхъ“. При прощаньи адъютантъ обратился ко мнѣ съ просьбой—сказать въ Россіи, что съ нами въ плѣну обращались въ общемъ хорошо, чтобы также обращались и въ Россіи съ плѣнными германцами. „Ну, подумалъ я про себя, ты, любезнѣйшій, или лукавишь, или въ самомъ дѣлѣ не знаешь, какъ съ нами обращались твои comrades до нашего возвращенія въ Калишъ, иначе ты не просилъ бы и не пожелалъ бы такого же обращенія у насъ съ нѣмцами, довольно мы натерпѣлись обидъ у васъ въ плѣну!“

Я отвѣтилъ адъютанту: „въ Россіи я скажу только одну правду“. На томъ мы и разстались съ адъютантомъ.

Просьба адъютанта, обращенная ко мнѣ предъ моимъ выѣздомъ въ Россію, напомнила мнѣ подобный случай, имѣвшій мѣсто въ коттбускомъ лагерѣ. Когда мнѣ объявлено было 28 октября распоряженіе министерства о высылкѣ меня въ Калишъ и предложено было отправить туда черезъ Швецію, Финляндію и Петроградъ, то комендантъ лагеря потребовалъ отъ меня письменнаго заявленія о томъ, какъ со мной обращались въ плѣну нѣмецкія власти. Я тогда написалъ, что въ лагерѣ обращались со мной корректно, а въ Познани я подвергся издѣвательствамъ властей и толпы. Комендантъ не принялъ отъ меня такого заявленія, сказавъ, что до Познани ему нѣтъ дѣла, а нужно знать, какъ обращались со мной только въ лагерѣ. Тогда я написалъ слѣдующее: „по требованію коменданта лагеря симъ заявляю, что въ лагерѣ обращались со мной корректно“. Такъ нѣмцы подъ угрозой револьверомъ вынуждаютъ добрыя о себѣ свидѣтельства! Справедливость впрочемъ, требуетъ сказать, что калишскій комендантъ фонъ-Гаммъ былъ несравненно вѣжливѣе въ отношеніи ко мнѣ и А. А. Зеланду, чѣмъ комендантъ коттбускаго лагеря генераль Винтерфельдъ.

Когда я объявилъ въ соборѣ, послѣ богослуженія 30 августа, что насъ, т. е. меня и Зеланда, нѣмецкія власти высылаютъ въ Россію въ обмѣнъ на двухъ задержанныхъ тамъ нѣмцевъ, горе и отчаяніе овладѣло многими, особенно бѣднѣйшими изъ оставшихся въ Калишѣ. „Кто же останется съ нами?“ „Кто будетъ служить въ соборѣ?“ „Кто позаботится о насъ бѣдныхъ?“ — слышались возгласы съ разныхъ сторонъ. Я, насколько могъ, успокоилъ ихъ сообщеніемъ, что вмѣсто меня будетъ скоро присланъ въ Калишъ другой священникъ, который будетъ дѣлать для нихъ тоже, что дѣлалъ я. Здѣсь же въ церкви мы и попрощались другъ съ другомъ. Не обошлось при этомъ безъ слезъ съ той и другой стороны. Приходили потомъ и на квартиру къ намъ и русскіе и поляки попрощаться съ нами, а чиновники вмѣстѣ съ тѣмъ и попросить нашихъ ходатайствъ въ Петроградъ, въ подлежащихъ учрежденіяхъ, чтобы отсюда поскорѣе выслали имъ въ Калишъ хотя бы часть причитающихся имъ съ августа мѣсяца 1914 года содержанія, иначе, говорили они, имъ угрожаетъ голодная смерть. Одинъ изъ чиновниковъ при этомъ высказалъ такую мысль,

что лучше было бы не высылать чрезъ руки нѣмцевъ наличныхъ денегъ, а дѣйствующему теперь въ Калишѣ „Обществу взаимнаго кредита“ уполномочіе на выдачу чиновникамъ хотя бы половины или даже четверти ихъ мѣсячнаго содержанія, съ гарантіей отъ имени правительственнаго учрежденія возврата сему Обществу послѣ войны всего выданнаго чиновникамъ. Мысль, по нашему мнѣнію, благая и удобоисполнимая!

Передъ вечеромъ 30 августа послѣдовала, по распоряженію военнаго министерства, небольшая перемѣна въ отношеніи срока нашего выѣзда изъ Калиша: предписано комендатурѣ отправить насъ не 1 (14) сентября, а въ 2 часа утра 31 августа (13 сентября), т. е. черезъ 10 часовъ послѣ объявленія намъ объ этомъ. Мы послѣшили уложить то, что представлялось намъ нужнымъ въ далекомъ пути и, помолясь Богу—Спасителю нашему во 2-мъ часу ночи на 31-е августа выѣхали на вокзалъ. Сопровождать насъ до послѣдняго пункта Германіи былъ назначенъ офицеръ, а для услугъ намъ въ пути данъ солдатъ изъ познанскихъ поляковъ, умѣющій говорить по-польски. Онъ служилъ намъ въ пути и переводчикомъ въ разговорѣ съ офицеромъ. Ѣхали мы черезъ всю Германію во II классѣ со скорыми и курьерскими поѣздами. Путь нашъ былъ чрезъ Скальмежице, Острово, Познань, Берлинъ, Штральзундъ, до Застницца на островѣ Рюгенѣ, куда прибыли въ 11^{1/2} часовъ ночи того же 31 августа, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 19^{1/2} часовъ до 900 верстъ.

Чрезъ окна вагона приходилось наблюдать богатство и благоустройство нѣмецкихъ городовъ, и наше сердце обливалось кровью при мысли о томъ, что сдѣлали нѣмцы съ нашимъ нѣкогда богатымъ и благоустроеннымъ Калишемъ! Да и съ однимъ ли Калишемъ?!

Въ Застницѣ нѣмцы въ послѣдній разъ проявили въ отношеніи къ намъ свою „любезность“ и „высокую культуру“. Предъ посадкой на шведскій пароходъ, они подвергли тщательному осмотру нашъ багажъ, причемъ выбросили все изъ чемодановъ на перронъ и послѣ осмотра нашихъ вещей приказали намъ самимъ уложить ихъ назадъ въ чемоданы. Непосредственно затѣмъ повели насъ, сильно вспотѣвшихъ отъ укладки багажа, къ личному досмотру, который производился далеко отъ вокзала, на пристани, въ тесномъ баракѣ, съ открытыми настежь окнами. Здѣсь приказали намъ раздѣться до нижняго бѣлья и съ расчитанной медлительностью, съ плоскими островами производили осмотръ каждой

мелочи. На наши просьбы позволить намъ одѣться въ осмотрѣнное уже платье, отвѣчали съ улыбкой: „не безпокойтесь, не простудитесь, теперь не зима; правда, немножко холодно, но не такъ, какъ у васъ въ Сибири, куда вы отсылаете плѣнныхъ нѣмцевъ“. И только настойчивое требованіе капитана шведскаго парохода поскорѣе отпустить насъ туда на пароходъ, такъ какъ пора ему отходить, положилъ конецъ нѣмецкому глумленію надъ нами. И послѣ всего этого нѣмцы имѣли нахальство сказать намъ вслѣдъ: „до пріятнаго свиданія“!

Отряси германскій прахъ отъ ногъ своихъ, взошли мы съ А. А. Зеландомъ по трапу на пароходъ нейтральной державы и тутъ впервые съ 22 іюля 1914 года вздохнули свободно и радостно, какъ бы очнувшись отъ давившаго насъ страшнаго кошмара,—теперь мы были свободны отъ ужаснаго нѣмецкаго плѣна, въ которомъ томились слишкомъ 13 мѣсяцевъ! ¹⁾

Вспоминая этотъ плѣнъ, полный всякихъ ужасовъ, страданій, лишеній и издѣвательствъ надъ нами, мы никакъ не можемъ понять ни причины, ни цѣли какъ самаго взятія насъ въ Калишѣ въ плѣнъ, въ качествѣ какихъ-то „заложниковъ“, такъ, тѣмъ болѣе, причиненныхъ тамъ нѣмцами грубыхъ и жестокихъ насилій надъ нами. Такіе дикіе, непримѣрные въ лѣтописяхъ войнъ между цивилизованными народами, поступки нѣмцевъ могутъ быть объяснены только сатанинской ихъ гордостью и діавольски-злой волей, не считающей въ настоящей войнѣ ни съ Божескими, ни съ человѣческими законами и дерзко попирающей всякіе международные трактаты и конвенціи, всякіе принципы гуманности и справедливости.

Теперь столько приходится слышать и читать про всякія безчинства и звѣрства, чинимыя нѣмцами надъ мирными гражданами въ районахъ временнаго нѣмецкаго захвата, что болѣе не удивляешься уже поступкамъ нѣмцевъ съ нами, а только вздохнешь, да скажешь: *Суди Боже обидяція ны и побори борюція ны* (Пс. 34—1).

Путешествіе въ Россію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ про дальнѣйшій нашъ путь въ свою родную землю. Отъ Застницца, на островѣ Рюгенѣ, до Трилленборга, юж-

¹⁾ А. А. Зеландъ скончался въ концѣ октября въ гор. Севастополь. Въ № 14238 „Новаго Времени“ отъ 29 октября помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Севастополя. „Сегодня торжественно съ почестями преданы землѣ останки Предсѣдателя Калишскаго Окружнаго Суда Зеланда жертвы жестокости нѣмецкаго плѣна. На гробъ возложено много вѣнковъ“.

наго портового города Швеціи, считается около 100 километровъ. Это пространство переѣхали мы по Балтійскому морю не болѣе, какъ въ 5 часовъ. Море въ это время было спокойно и мы благополучно пристали къ берегу Швеціи въ 10 часовъ ночи. Дальше поѣхали по желѣзной дорогѣ и къ 9 часамъ утра слѣдующаго дня (2 сентября) были уже въ Стокгольмѣ. На станціи насъ встрѣтили члены „Русскаго Комитета“ Г. Г. Александровъ, профессоръ Упсальскаго университета, и И. И. Баранкевичъ, псаломщикъ посольской церкви въ Стокгольмѣ. Они, отбывая свою очередь, установленную комитетомъ, вышли на вокзалъ въ ожиданіи встрѣтить тамъ пассажировъ изъ русскихъ, обыкновенно пріѣзжающихъ изъ Трилленборга съ поѣздомъ прямого сообщенія, и съ цѣлю оказать мнѣ возможныя со стороны комитета услуги. Нечего и говорить, что мы были чрезвычайно рады такой встрѣчѣ въ чужой странѣ и незнакомомъ намъ городѣ. Названные члены комитета посовѣтовали намъ остановиться въ ближайшей къ вокзалу большой гостиницѣ „Hotel Kontinental“, гдѣ помѣщается и „Русскій Комитетъ“, открытый подъ предѣлательствомъ фрейлины Высочайшаго Двора, Вѣры Васильевны Неклюдовой, специально на военное время для услугъ нашимъ воинамъ, находящимся въ плѣну у нѣмцевъ и австрійцевъ. Въ Стокгольмѣ мы пробыли четыре дня, для того, чтобы отдохнуть послѣ утомительнаго для г. Зеланда пути по Германіи и чтобы запастись силами для дальнѣйшаго проѣзда по Швеціи и Финляндіи до Петрограда. За эти дни мы успѣли познакомиться съ дѣятельностью „Русскаго Комитета“. Работаютъ въ немъ десятка два интеллигентныхъ лицъ изъ русскихъ подданныхъ, отъ 9 часовъ утра до 5 ч. по полудни. Они направляютъ тысячи писемъ отъ военноплѣнныхъ въ Россію и изъ Россіи къ военноплѣннымъ, пересылаютъ имъ посылки и деньги; они наводятъ справки о военноплѣнныхъ и застигнутыхъ войной за границей; они оказываютъ непосредственно услуги и транспортируемымъ изъ германскаго и австрійскаго плѣна инвалидамъ. Вообще работа комитета чрезвычайно интенсивна и въ высокой степени благотворна. Въ частности въ отношеніи къ намъ „Русскій комитетъ“ проявилъ много сердечной доброты и оказалъ большія услуги въ дѣлѣ полученія отъ нашего Генеральнаго Консула въ Стокгольмѣ ¹⁾ удостовѣреній

нашихъ личностей и въ нашихъ мелкихъ нуждахъ по части отправки писемъ, телеграммъ, обмѣна денегъ на шведскія кроны и финляндскія марки и т. п. Большое вниманіе оказалъ намъ и нашъ Россійскій Посланникъ въ Стокгольмѣ Анатолій Васильевичъ Неклюдовъ, пригласивъ насъ съ А. А. Зеландомъ къ себѣ на завтракъ и проводивши лично на вокзалъ при выѣздѣ нашемъ изъ Стокгольма. По его телеграммѣ встрѣтилъ насъ въ Гапарандѣ (последняя ж. д. станція на сѣверѣ Швеціи) Русскій Консулъ И. К. Вербицкій. Онъ любезно помогъ намъ при таможенномъ осмотрѣ шведами нашего дорожнаго багажа и посодѣйствовалъ нашему удобному проѣзду по Финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ Торнео до Петрограда. Сюда, по милости Божіей, мы благополучно прибыли ночью на 9-е сентября и здѣсь нашли тѣхъ дорогихъ намъ лицъ изъ нашихъ семействъ, съ кѣмъ уже не надѣялись болѣе видѣться, ожидая скорѣе своей смерти въ тяжеломъ плѣну у нѣмцевъ, чѣмъ возвращенія оттуда въ Россію.

Краткія поученія, произнесенныя въ церкви 14-го Полевого Запаснаго Госпиталя ¹⁾.

XVII.

Почуеніе въ недѣлю мытаря и фарисея.

(11 января 1915 г.).

„Покояніа отвераи ми двери, Жизнодавче!“

Такъ, съ нынѣшняго дня Церковь начинаетъ призывать насъ къ покаянію, въ виду великаго праздника Воскресенія Христова, и чтобы сразу ввести насъ въ покаянное настроеніе, расположить насъ къ сокрушенію во грѣхахъ, притчею о мытарѣ и фарисеѣ, читаемою на литургіи сегодня, наглядно и образно научаетъ насъ, какъ трогательно и какъ возвышаетъ челоуѣка сми-
 маетъ на себя наведеніе справокъ о военноплѣнныхъ и застигнутыхъ войной за границей и пересылку писемъ военноплѣннымъ и отъ военноплѣнныхъ.

На почтовые расходы просятъ прилагать почтовые марки 5 и 10 коп. достоинства.

Комитетъ очень проситъ, чтобы посылки носили два адреса: 1. Comité Russe Stockholm, 2. адресъ того военноплѣннаго, которому предназначается посылка (по-французски). Оба адреса должны находиться на внѣшней оболочкѣ посылки. Деньги просятъ адресовать въ комитетъ на имя Вѣры Васильевны Неклюдовой. Почтовый и телеграфный адресъ: „Comité Russe, Stockholm“.

¹⁾ Продолженіе. См. въ № 1 1916 г. Варш. Еп. Лист.

¹⁾ Помѣщаемъ, на всякій случай, данное намъ предѣлательницей комитета объявленіе о задачахъ дѣятельности „Русскаго Комитета“ въ Стокгольмѣ: „Русскій Комитетъ въ Стокгольмѣ приви-

ренное преклоненіе предъ Богомъ, и какъ пагубны и унизительны для души гордость и превозношеніе.

Два челоѡтка, говоритъ Христось Спаситель въ притчѣ, вошли въ храмъ помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь. Фарисей, ставъ впереди, молился самъ въ себѣ такъ: Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь. Почуствъ два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что приобретаю.

Если мы опредѣленно знаемъ, какъ унизительна гордость для челоѡвка, то это потому, что Христось Спаситель живо и наглядно представилъ намъ всю пустоту и ничтожество гордости въ образѣ фарисея. Слушая слова притчи Христовой о фарисеѣ, мы не рѣшаемся поставить себя на мѣсто и въ положеніе фарисея: такъ явно ничтоженъ этотъ самообольщенный, напыщенный, надменный челоѡкъ, такъ бѣдна и пуста душа этого гордеца, превозносящагося своими маленькими добродѣтелями.

Но насколько неприятна и даже отвратительна гордость фарисея, настолько трогательно и прекрасно смиренное сокрушеніе предъ Богомъ кающагося мытаря.

Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо, но ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику.

Вотъ въ чемъ красота и достоинство души челоѡвка — въ смиренномъ преклоненіи предъ величіемъ Божиимъ. Въ сознаніи своихъ грѣховъ мытарь исполненъ былъ такого благоговѣнія предъ Богомъ, что даже не смѣлъ глазъ своихъ поднять на небо и только смиренно просилъ милости къ себѣ грѣшнику: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику. Это смиренное сознание своего ничтожества и виновности предъ Богомъ свидѣтельствуетъ о высотѣ души челоѡвка, умѣющей преклониться предъ величіемъ Божиимъ.

По примѣру и подобію мытаря и намъ нужно преклониться предъ Богомъ и въ чувствѣ раскаянія и въ сознаніи своихъ грѣховъ просить себѣ помилованія отъ Бога. Тогда Господь очиститъ насъ отъ скверны, возвратитъ намъ Свое благоволеніе, возвыситъ насъ и приблизитъ къ Себѣ. Аминь.

XVIII.

Поученіе въ недѣлю блуднаго сына.

(18 января 1915 г.)

Сказываю вамъ, что на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи (Лук. 15, 7).

Какъ радостно и утѣшительно должно быть это слово Христово для всѣхъ грѣшныхъ и немощныхъ людей. Какъ должно оно ободрять и подымать души тѣхъ, кто уже почувствовалъ ужасъ и тяжесть грѣха, но еще не можетъ разстаться съ нимъ, не находитъ еще въ себѣ силы освободиться отъ него. Трудно трогательно представить глубину любви Божіей къ грѣшнымъ и изнемогающимъ въ борьбѣ съ грѣхомъ людямъ. Богу близки и дороги праведники, уже угодившіе Ему святою и доброю жизнію, но Онъ — Господь нашъ Милосердный не лишаетъ Своей любви и грѣшниковъ, и у вѣрныхъ слугъ Божіихъ — Ангеловъ болѣе радости объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяти о девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи. Великую силу этой любви Божіей къ кающимся и обращающимся на путь добра грѣшникамъ Христось Спаситель показываетъ намъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ, — притчѣ, которою Церковь желаетъ пробудить въ насъ покаянныя чувства въ виду наступающаго великаго поста.

У одного челоѡвка было два сына. Младшій, потребовавъ отъ отца слѣдовавшую ему часть имѣнія, отправился въ дальнюю страну и тамъ въ короткое время расточилъ все, живя распутно. Среди горькой нужды и лишеній онъ вспомнилъ о родительскомъ домѣ и, пришедъ въ себя, рѣшилъ отправиться къ отцу и просить отца — принять его не какъ сына, а какъ одного изъ наемниковъ. И когда онъ подходилъ къ родительскому дому, отецъ, увидѣвъ его издали, сжалился и побѣжалъ, палъ ему на шею и цѣловалъ его. Сынъ сказалъ отцу: отче, я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою и уже недостойнъ называться сыномъ твоимъ. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду и одѣньте его и дайте перстень на руку его и обувь на ноги, и приведите откормленнаго теленка и заколите: станемъ ѣсть и веселиться, ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся.

Такъ обрадовался отецъ своему заблудшему и возвратившемуся своему сыну. И какъ было не

радоваться. Сынъ его былъ мертвъ и ожилъ, про-
падалъ и нашелся.

Эта любовь отца, съ радостью принимающаго
въ свой отчій домъ погибшаго было сына, слу-
жить лишь слабымъ отображеніемъ любви Божіей
къ раскаивающимся и обращающимся къ Богу
грѣшнымъ людямъ,— къ тѣмъ людямъ, которые,
почувствовавъ тяжесть своего грѣховнаго со-
стоянія, стремятся къ Богу и въ общеніи съ Нимъ
надѣются найти покой своей измученной душѣ.
Грѣхами мы удаляемъ себя отъ Бога, затемняемъ
въ себѣ образъ Божій, но лишь только начинаетъ
въ насъ пробуждаться и оживать никогда не
оставляющее насъ влеченіе къ Богу,— Отцу на-
шему Небесному, какъ Господь идетъ намъ на-
встрѣчу и съ радостью принимаетъ насъ. Вотъ
чему учить насъ сегодня Церковь евангельскою
притчею Христовою, и вотъ что намъ нужно
помнить всегда, въ особенности теперь въ виду
приближающагося поста и покаянія. Аминь.

XIX.

Поученіе въ недѣлю о страшномъ судѣ.

(25 января 1915 г.).

*Истинно говорю вамъ: такъ какъ
вы сдѣлали это одному изъ сихъ
братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣ-
лали Мнѣ (Мѡ. 25, 40).*

Такъ Спаситель нашъ Христосъ высоко цѣнить
всякое участіе, всякое вниманіе наше къ обездо-
леннымъ и нуждающимся ближнимъ нашимъ.
Все то доброе, что мы дѣлаемъ страждущимъ
и угнетеннымъ, Господь Иисусъ, по безконечной
любви Своей къ людямъ, относить къ Себѣ. Такъ
какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ
меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ.

Если бы Христосъ Спаситель нашъ былъ теперь
среди насъ, какъ мы были бы счастливы, если бы
могли оказать Ему хотя бы малую, самую не-
значительную услугу. Но это великое счастье и
сейчасъ доступно всѣмъ намъ, доступно каждому,
кто бы онъ ни былъ, богатый или бѣдный, знат-
ный или простой. Вѣдь алчущіе, жаждущіе, без-
пріютные, нагіе, больные, въ темницахъ заклю-
ченные, всѣ эти страждущіе и обремененные
нуждою и горемъ люди, ищущіе нашей помощи
и нашего участія,— все это меньшіе братья Хри-
стовы. Облегчая страданія этихъ несчастныхъ,
приходя имъ на помощь въ ихъ бѣдственномъ,
горестномъ положеніи, мы тѣмъ самымъ служимъ
Спасителю нашему. Христосъ, по Своему мило-

сердію и состраданію къ страждущимъ людямъ,
всякое участіе наше къ этимъ бѣдствующимъ и
беспомощнымъ отнесетъ къ Себѣ, и когда мы
предстанемъ предъ Нимъ въ день суда и воз-
даянія, обратится къ намъ съ такими радостными
для насъ словами: „*Приидите, благословенные Отца
Моего наследуйте царство, уготованное вамъ отъ
созданія міра: ибо Я алкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть;
жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и
вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ
боленъ, и вы посетили Меня; въ темницѣ былъ, и
вы пришли ко Мнѣ*“.

Вотъ какое высокое блаженство и счастье ожи-
даетъ милосердныхъ и сострадательныхъ и какъ
нетрудно удостоиться этого блаженства: нужно
имѣть только доброе, участливое сердце.

Сколь радостна и блаженна будетъ участь лю-
дей добрыхъ, столь же печальна, тяжела и мучи-
тельна будетъ участь людей жестокихъ и безу-
частныхъ. „*Идите отъ Меня, проклятые въ огонь
вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его*“— вотъ
тотъ праведный приговоръ, который услышать
отъ Господа на страшномъ судѣ люди немил о
сердныя. И чтобы предостеречь насъ отъ такой
печальной участи, Церковь сегодня притчею о
страшномъ судѣ напоминаетъ намъ, что насъ ожи-
даетъ, если мы не смягчимъ своего сердца и
будемъ безчувственны къ страждущимъ своимъ
ближнимъ. Призывая насъ къ покаянію и исправ-
ленію въ виду великаго поста и праздника Пасхи,
Церковь нагляднымъ изображеніемъ участи доб-
рыхъ и злыхъ желаетъ расположить насъ къ мило-
сердію и внушить намъ отвращеніе къ равнодушію
и жестокости. Аминь.

XX.

Поученіе въ праздникъ Срѣтенія Господня и въ про- щенное воскресенье.

(1 февраля 1915 г.).

Сегодня Церковь празднуетъ Срѣтеніе Господа
Иисуса Христа въ храмѣ праведнымъ старцемъ
Симеономъ и Анною Пророчицею. Старецъ Симеонъ
и пророчица Анна, удостоившіеся встрѣтить въ
храмѣ Богомладенца Иисуса, были лучшіе, избран-
ные люди во всемъ народѣ еврейскомъ.

Симеонъ былъ мужъ праведный и благочестивый
чающій утѣшенія Израилева, и Духъ Святой былъ
на немъ. Ему было предсказано Духомъ Святымъ,
что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ
Христа Господня. Какое это высокое, ни съ чѣмъ

несравнимое счастье для ветхозавѣтнаго іудея—увидѣть Христа Господня. Сколько благочестивыхъ, благоговѣйныхъ людей въ народѣ еврейскомъ искали этого счастья, и однакоже одному только Симеону обѣщано было Духомъ Святымъ, что онъ не умретъ, доколѣ не увидитъ Христа Господня. Какъ долженъ былъ быть великъ въ праведности и благочестіи старецъ Симеонъ, если онъ удостоился такой исключительной, такой необыкновенной чести.

Но и Анна Пророчица, подобно Симеону достигшая глубокой старости, не уступаетъ старцу въ чистотѣ и непорочности. *Проживши съ мужемъ отъ дѣтства своего семь лѣтъ, вдова лѣтъ 84, она не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь.*

Эти состарившіеся въ праведности люди, всю свою жизнь отдавшіе Богу, служившіе Ему день и ночь, явившись представителями всего народа предъ Богомладенцемъ Іисусомъ, отъ лица всего народа возвеличили Его, какъ Избавителя міра и Утѣху Израилеву.

Пришедши въ храмъ по откровенію Св. Духа, когда родители принесли Младенца Іисуса, чтобы представить предъ Господа, праведный старецъ взялъ Младенца на руки, благословилъ Бога и сказалъ: „*Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и Славу народа Твоего Израиля.*“

Такъ праведный старецъ Симеонъ выразилъ завѣтныя вѣрованія и чаянія какъ свои личныя, такъ и всего народа. Исповѣдуя Богомладенца Свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ и Славой Израиля, Симеонъ высказалъ свою радость, что Господь отпускаетъ его изъ этой жизни съ миромъ, ибо очи его увидѣли спасеніе, которое Господь приготовилъ для всѣхъ людей.

Итакъ миръ души, какъ плодъ и слѣдствіе избавленія отъ грѣха, и есть самое желанное для человѣка. И этотъ миръ душевный не одному только Симеону, но и всѣмъ намъ принесъ Спаситель нашъ Христосъ, примирившій насъ съ Богомъ и сдѣлавшій насъ любимыми дѣтьми Божиими. Господь Богу, по милосердію и любви къ намъ, прощаетъ намъ грѣхи наши и такимъ образомъ умиротворяетъ души наши, но тогда только, если мы сами ищемъ міра душевнаго и, подавляя въ себѣ чувства злобы и вражды, прощаемъ ближнимъ согрѣшенія ихъ. *Если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и*

вамъ Отецъ вашъ Небесный, а если не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Вотъ что напоминаетъ намъ и къ чему призываетъ насъ сегодня Церковь накануне великаго поста. И если мы послѣдуемъ призыву церковному, то удостоимся отъ Бога прощенія грѣховъ и испытаемъ блаженство того міра душевнаго, который наполнилъ радостью сердце праведнаго Симеона. Аминь.

XXI.

Поученіе въ недѣлю православія.

(8 го февраля 1915 г.)

Въ первое воскресеніе великаго поста, называемое недѣлею православія, Православная Церковь празднуетъ торжество православія. Праздникъ этотъ установленъ въ 842 году, послѣ побѣды Церкви надъ всѣми ересями, — установленъ въ память торжества вѣры православной, сохраненной Церковью въ чистотѣ и неповрежденности среди покушеній на ея цѣлость со стороны лжеучителей. Въ праздникъ этотъ Церковь торжественно исповѣдуетъ содержимую ею правую вѣру, прославляетъ всѣхъ ея ревнителей и защитниковъ, и возвѣщаетъ отлученіе всѣмъ тѣмъ, кто сознательно, намѣренно и упорно, несмотря на вразумленія и увѣщанія, искажаетъ ее.

Какой смыслъ имѣетъ это торжество, съ какою цѣлью оно установлено? Вѣдь Церковь ежедневно исповѣдуетъ свою вѣру, для чего же нужно еще торжественное ея исповѣданіе?

Необходимо оно для того, чтобы показать намъ, какъ важна для насъ вѣра православная, чтобы утвердить ее въ насъ и укрѣпить, чтобы расположить насъ еще болѣе любить ее, еще больше дорожить ею. Вѣра православная — это основа, источникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и опора всей нашей жизни. Все лучшее, что въ насъ есть, все, чѣмъ мы живы, — исходитъ отъ вѣры. Кротость и смиреніе, терпѣніе въ борьбѣ съ грѣхомъ и въ перенесеніи бѣдъ и скорбей, безстрашіе и мужество въ стояніи за правду и истину, благоговѣйная преданность и покорность Богу, предпочтеніе духовнаго предъ матеріальнымъ — эти лучшія качества русскаго народа воспитались въ немъ подъ тысячелѣтнимъ вліяніемъ вѣры православной. Это — неоцѣнимое наше сокровище, самое дорогое наше достояніе, источникъ нашей крѣпости и силы. Пока мы тверды въ вѣрѣ православной, и эти драгоценныя свойства души народной, вы-

росшія изъ вѣры, цѣлы и нерушимы, и сами мы крѣпки и стойки. Но пошатните и поколеблите въ насъ вѣру, и тотчасъ же мы обѣднѣемъ и обнищаемъ духовно, обезсилѣемъ и ослабѣемъ.

Теперь мы ведемъ войну съ врагомъ,—врагомъ жестокимъ и злобнымъ, не разбирающимъ средствъ въ борьбѣ. Для побѣды надъ такимъ врагомъ, помимо силы матеріальной, необходима прежде всего и больше всего сила духа. А эту силу негдѣ почерпнуть, какъ только въ вѣрѣ православной.

Св. ап. Павелъ, обозрѣвая свою жизнь предъ отходомъ изъ міра, говоритъ такъ: *подвигомъ добрыми подвижася, течение скончахъ, вѣру соблюдохъ*. Такъ св. апостолъ важное значеніе придаетъ тому, что онъ сохранилъ вѣру. Сохранить вѣру—большое достоинство для каждаго изъ насъ. Это очевидный признакъ того, что мы на правомъ пути и что жизнь наша чиста предъ Богомъ и угодна Ему. Аминь.

XXII.

Поученіе во 2-ю недѣлю великаго поста.

(15 февраля 1915 г.)

Послѣ торжества православія въ первую недѣлю великаго поста,—торжества, показавшаго намъ, какъ важна и какъ необходима намъ христіанамъ чистая и правая вѣра, во вторую недѣлю Церковь обращаетъ наше вниманіе на то, что очищеніе отъ грѣховъ—неизбѣжное условіе доброй христіанской жизни, что безъ раскаянія во грѣхахъ и прощенія ихъ Богомъ жизнь эта невозможна.

Евангельское чтеніе нынѣшняго дня говоритъ намъ о томъ, что чистота души и свобода отъ грѣховъ—самое большое для человѣка благо.

Господь Іисусъ Христосъ, рассказываетъ намъ св. ев. Маркъ, пришелъ въ Капернаумъ; и слышно стало, что Онъ въ домѣ. Тотчасъ собрались многіе, такъ что уже у дверей не было мѣста; и Онъ говорилъ имъ слово. И пришли къ Нему съ расслабленнымъ, котораго несли четверо; и не имѣя возможности приблизиться къ Нему за многолюдствомъ, раскрыли кровлю дома, гдѣ онъ находился, и прокопавши ее, спустили постель, на которой лежалъ расслабленный. Іисусъ, видя вѣру ихъ, сказалъ расслабленному: чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои.

Въ этомъ рассказѣ евангельскомъ много для насъ поучительнаго, но самое примѣчательное,

невольнo привлекающее вниманіе,—это отношеніе Господа Іисуса Христа къ расслабленному.

Ко Христу Спасителю принесли тяжело больного, совсѣмъ обезсиленнаго и ослабѣвшаго, принесли для того, чтобы Христосъ исцѣлилъ его отъ болѣзни. И Господь Милосердный, всегда съ участіемъ и любовью относившійся ко всѣмъ недужнымъ и немощнымъ, и этого несчастнаго не лишаетъ Своей помощи, но врачуетъ сначала не тѣло, а душу. Видя вѣру расслабленнаго и принесшихъ его, Господь говоритъ ему: *чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои*. Господь исцѣлилъ его и отъ болѣзни, но прежде чѣмъ дать ему здравіе тѣлесное, очистилъ отъ грѣховъ душу его. Проникавшій въ сердца и въ души Спаситель нашъ видѣлъ, что главный недугъ больного не въ явномъ для всѣхъ тѣлесномъ изнеможеніи, а въ глубоко скрытомъ душевномъ разстройствѣ. Такъ Господь Іисусъ Христосъ показалъ намъ, что здоровье душевное неизмѣримо важнѣе здоровья тѣлеснаго. Болѣзни тѣлесныя тяжелы,—онѣ причиняютъ намъ муки и страданія; но несравненно тяжелѣе и мучительнѣе болѣзни душевныя. Самое тяжкое бремя—бремя грѣховное, и нѣтъ человѣка, который, почувствовавъ его, въ состояніи былъ бы его вынести. Грѣхъ тревожитъ и смущаетъ душу человѣка, давитъ его и гнететъ, лишая его мира и покоя, духовно ослабляя и обезсиливая его.

Напоминая намъ о тяжести грѣха, Церковь примѣромъ евангельскаго расслабленнаго располагаетъ насъ въ началѣ поста къ раскаянію предъ Богомъ. Великій постъ—время покаянія и врачеванія души. И этимъ временемъ необходимо пользоваться, чтобы въ праздникъ воскресенія Христова обновленною душою и чистымъ сердцемъ воспѣть Возставшаго изъ гроба Жизнодавца. Аминь.

XXIII.

Поученіе въ недѣлю крестопоклонную.

(22 февраля 1915 г.)

Иже хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себя и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ (Мрк. 8, 34).

Вотъ о чемъ сегодня, въ серединѣ поста, напоминаетъ намъ Церковь какъ евангельскимъ словомъ Христовымъ, такъ и торжественнымъ изнесеніемъ креста Господня для поклоненія и прославленія его вѣрующими.

Время поста—время покаяннаго подвига и послѣдованія Христу, а слѣдованіе за Христомъ, по слову Его Самаго, состоитъ въ отверженіи себя, въ отреченіи отъ живущихъ въ насъ грѣховныхъ склонностей и влеченій, въ борьбѣ съ гнѣздящимся въ насъ зломъ и побѣдѣ надъ нимъ. Борьба же съ грѣхомъ и зломъ, глубоко укоренившимися въ насъ, соединена съ лишеніями и страданіями, составляющими нашъ крестъ, столь же необходимый намъ для торжества въ насъ добра, какъ крестъ Христовъ необходимъ былъ Спасителю нашему для спасенія нашего и для побѣды надъ зломъ всего міра. И чтобы намъ не ослабѣть въ борьбѣ съ грѣхомъ, не изнемочь подъ тяжестью своего креста, Церковь въ серединѣ покаяннаго подвига напоминаетъ намъ о крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ и для болѣе живого представленія ихъ износитъ на середину храма крестъ Господень для поклоненія въ теченіе всей седмицы. Поклоняясь кресту Христову, проникаясь благоговѣніемъ предъ крестными страданіями Христовыми, мы пріобщаемся той живо-творной, обновляющей насъ силѣ Божіей, которая заключена въ страданіяхъ Христовыхъ. *Мы проповѣдуемъ Христа распята, Христа—Божію силу,—говоритъ Апостоль.* Въ крестѣ Христовомъ, въ страданіяхъ Его дѣйствительно сокрыта побѣдная, сокрушающая грѣхъ сила, и крестъ Христовъ—побѣдный путь къ Его славѣ. Вотъ почему, поклоняясь кресту Христову, мы прославляемъ и Его воскресеніе. *Кресту Твоему поклоняемся Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ.*

Но не только для Спасителя нашего, но и для каждаго изъ насъ страданіе—путь къ славѣ, къ торжеству надъ грѣхомъ и къ обновленію. Въ страданіяхъ, которыя мы претерпѣваемъ въ борьбѣ съ грѣхомъ, душа наша преломляется, очищается отъ зла, свѣтлѣетъ и сіяетъ своею божественною красотой. Подъ вліяніемъ страданій все дурное и порочное таетъ въ насъ, какъ воскъ отъ лица огня, а доброе и чистое, что вложено въ душу нашу Богомъ, воскресаетъ, расширяется и крѣпнетъ. Эта чистота души, пріобрѣтаемая страданіями въ борьбѣ съ грѣхомъ, необходима намъ всегда, въ особенности теперь, предъ праздни-комъ воскресенія Христова, чтобы этотъ великій праздникъ былъ для насъ днемъ не только вос-поминанія славы Христовой, но, славы и торжества каждаго изъ насъ. Аминь.

Открыта подписка на 1916 г. на ежемѣсячный журналъ

„Отдыхъ Христіанина“

(XVI годъ изданія),

издаваемый Всероссийскимъ Александро-Невскимъ Братствомъ трезвости.

Это—журналъ художественной беллетристики, отражающій всѣ явленія церковно-богословской и религіозно-философской мысли, литературныхъ и церковно-общественныхъ теченій, приходскаго и народнаго быта, съ широко-разработаннымъ апологетическимъ отдѣломъ, особенно цѣннымъ для законоучителей и учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 1916 года программа журнала будетъ значительно расширена включеніемъ сюда, сообразно потребностямъ времени, цѣлаго ряда отдѣловъ, имѣющихъ въ виду удовлетворить широкимъ общественнымъ запросамъ. Прежде всего усилившейся интересъ къ родной старинѣ побуждаетъ редакцію обратить вниманіе на историческіе рассказы и очерки и дать имъ болѣе широкое мѣсто въ журналѣ. Переживаемое время пробужденія широкихъ общественно-политическихъ запросовъ заставляетъ откликнуться и на эту нужду и, освѣщая главнѣйшія задачи времени въ новомъ отдѣлѣ „Общественной хроники“. Редакція журнала „Отдыхъ Христіанина“ въ 1916 г. предполагаетъ дать, кромѣ 12 книжекъ, въ которыхъ болѣе 2000 страницъ, въ качествѣ бесплатныхъ приложений: 1) Разговоръ съ испытуемымъ о вѣрѣ“, митрополита Филарета. 2) Сочиненіе знаменитаго французскаго богослова, историка и философа Боссюэта *Размышленія на Евангеліе*. Подписная цѣна 4 руб. въ годъ.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Обводный каналъ, 116.

Открыта подписка на 1916 годъ на еженедѣльный журналъ

„Родная Жизнь“

(ранѣе „Трезвая Жизнь“). XII-й годъ изданія.

Въ журналѣ будутъ печататься статьи по вопросамъ церковнымъ, экономическимъ, общественнымъ, по вопросамъ религіи и морали, очерки и рассказы, литературныя статьи, сельско-хозяйственныя замѣтки и очерки по вопросамъ народнаго здравія, но на первомъ планѣ все же будетъ стоять отдѣлъ „Трезвая Жизнь“ и нужды широкаго трезвеннаго движенія. Въ качествѣ бесплатныхъ приложений подписчики журнала „Родная Жизнь“ получаютъ: а) 12 брошюръ, которыя могутъ быть использованы духовенствомъ и трезвенными организаціями, какъ интересный и живой матеріалъ, для чтенія народу и б) „Труды Всероссийскаго Съѣзда практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ“ т. III. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Обводный каналъ, 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ I. Епархіяльныя распоряженія и извѣстія.—Отчетъ.—Отдѣлъ II. Слово сказанное предъ отпѣваніемъ въ Бозѣ почившаго Архіепископа Варшавскаго Николая въ Св.-Духовской церкви Александро-Невской Лавры 23 декабря 1915 г.—Надгробная рѣчь.—Праздникъ Варшавской I-й мужской гимназіи.—Въ плѣну у нѣмцевъ.—Краткія поученія.—Объявленія.

Редакторъ, Протоіерей В. Шингаревъ.

Дозволено цензурою. Москва. 29 Января 1916 г. Цензоръ, священникъ *Іаковъ Козловскій*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.